

Библейско-богословская коллекция
Гомилетическая серия

Барсов Н.

**ИЗ ИСТОРИИ
ХРИСТИАНСКОЙ
ПРОПОВЕДИ В IV ВЕКЕ:
ПРЕДСТАВИТЕЛИ
НРАВСТВЕННО-
АСКЕТИЧЕСКОГО ТИПА
ПРОПОВЕДИ В IV ВЕКЕ НА
ВОСТОКЕ**

Вера и разум, 1889, т. I, ч. I, с. 239-255, 513-534,
673-691, 735-753

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ.

Представители нравственно-аскетическаго типа проповѣди на Востокѣ

ВЪ IV ВѢКѢ.

Страна, главный городъ которой, Александрія, уже со II вѣка былъ центромъ умственной жизни всего Христіанства, сдѣлалась въ IV вѣкѣ главнымъ средоточіемъ отшельничества и жизни аскетической, которая отсюда быстро развилась и по другимъ окрестнымъ и отдаленнымъ странамъ. Это обстоятельство даетъ намъ ясно понять, какое положеніе занималъ аскетизмъ въ Христіанствѣ на первыхъ порахъ своего существованія и въ какомъ отношеніи находился онъ къ жизни Христіански-церковной въ мірѣ. Лишь отчасти можетъ быть, вызванное гнетомъ политическихъ нестроений и общественныхъ бѣдствій, одолѣвавшихъ греко-римскую имперію въ это время, египетское отшельничество если не всецѣло, то главнымъ образомъ представляетъ плодъ энтузіастическаго увлеченія Христіанскимъ идеаломъ, болѣе полное и цѣлостное осуществленіе котораго казалось возможнымъ преимущественно въ удаленіи отъ міра, въ отшельничествѣ. Но при этомъ монашество явилось не столько какъ отрицаніе міра, сколько какъ высшее развитіе того же самаго Христіанскаго принципа.

который былъ присущъ Христіанству, жившему въ мірѣ ¹⁾. Устроая жизнь отшельническую—скитскую, а позже—жизнь монастырскую—общежительную, монахи оставались въ единеніи и болѣе или менѣе близкомъ общеніи съ церковію въ мірѣ, и въ частности съ церковною іерархіею ²⁾, находились подъ всегдашнимъ воздѣйствіемъ церкви учащей, и съ своей стороны оказывали воздѣйствіе на развитіе въ церкви живущей въ мірѣ, живой и дѣятельной вѣры въ І. Христа—и вообще духовно-правственныхъ интересовъ бытія, а также содѣйствовали иногда, по мѣрѣ возможности, ея внѣшнему миру и благосостоянію среди враждебнаго, языческаго или еретическаго общества, для чего иногда великіе аввы покидали свое уединеніе, и псходя въ міръ, вступали въ сношенія съ устроителями и правителями мірской жизни общества и государства. Но болѣе всего, конечно, развитіе монашества должно было воздѣйствовать на развитіе Христіанской литературы и церковнаго учительства: отсутствіе во внѣшнемъ быту монашества мірскихъ суетъ и тревоженій, заботъ объ особенныхъ удобствахъ и комфортѣ матеріальнаго быта открывало большой просторъ созерцательной дѣятельности духа, Богомыслию и богословствованію, что и составляло самую природу или сущность монашеской жизни. Отсюда одною изъ главныхъ заботъ монашествующихъ было—образованіе, по меньшей мѣрѣ—грамотность, и затѣмъ—дѣло книжное. Уже въ самомъ первомъ регламентѣ или уставѣ монашеской жизни, составленномъ великимъ аввою Пахоміемъ (род. ок. 292 г. + 348 г. ³⁾), основателемъ монастырей общежительныхъ, всѣмъ молодымъ

1) Развитію этого взгляда на монашество посвящены, между прочимъ, одни изъ первыхъ, по времени, сочиненія Св. Златоуста: «слово къ вѣрному отцу» и «слово къ невѣрному отцу».

2) См. напримѣръ по этому предмету письмо епископа Аммона къ Теофілу, папѣ Александрійскому о жизни и дѣлахъ Пахомія и Теодора и отвѣтное письмо Теофіла къ Аммону въ Христ. Чтеніи за 1827 годъ.

3) Жизнеописаніе Пахомія, составленное ученикомъ его—въ *acta sanctorum*, t. III. Iunii, въ *Patrologiae* с. с. Мина *ser. graeca*, t. LXXIII; другія біографическія указанія см. у Филарета въ истор. ученіи объ отцахъ Церкви, т. II, стр. 39—43. Въ «Христ. Чтеніи» письмо епископа Аммона къ Теофілу еп. Александрійскому о жизни и дѣлахъ Пахомія и Теодора.—Монастырскій уставъ Пахомія—

людямъ, находившимся въ монастыряхъ, вмѣнялось въ обязанность обученіе грамотности (правила 172 и 173). Затѣмъ судя по тому, что правила 9, 10 и 121 этого устава нарочито упоминаютъ о занятіи монаховъ письмомъ (вѣроятно перепискою имѣвшихся уже произведеній Христіанской литературы и книгъ Св. Писанія), какъ такимъ дѣломъ, которое монахи должны были прекращать немедленно, услышавъ призывъ къ молитвѣ, мы въ правѣ предположить особенное вниманіе и иноковъ къ этого рода занятію. и можетъ быть процвѣтаніе его, бывшее источникомъ размноженія списковъ Библии и отеческихъ твореній на Востокѣ. Но самыя важныя для насъ правила, какія мы находимъ въ уставѣ Пахомія, это 115, 138 и 21, которыми настоятелямъ обители предписывается *трижды въ недѣлю* обязательно предлагать собравшейся братіи *поученія*. Этотъ — уже не обычай, а законъ монастырской жизни долженъ былъ способствовать развитію учительства въ монастыряхъ до степени *ординарной принадлежности* обыденной монашеской жизни.—Затѣмъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ эту среду отшельниковъ образовавшихъ поселеніе въ десятки, а можетъ болѣе, тысячъ людей, стекались не одни люди простые: сюда удалялись иногда епископы (напримѣръ Милеть, епископъ Сузскій, впоследствии мученикъ ¹⁾); здѣсь обитали между прочимъ два бывшихъ начальника знаменитаго Александрійскаго огласительнаго училища—Серапіонъ и Макарій. Первый, человекъ близкій къ великому аввѣ Антонію, получившій отъ него въ наслѣдство милоть, изъ пустыни произведенный въ епископы каеэдры Тмунтской, сотрудникъ Св. Аѳанасія въ борьбѣ съ арианствомъ, былъ по словамъ Сократа и Созомена мужъ весьма уважаемый за святость жизни и *краснорѣчіе* ²⁾; блаж. Иеронимъ за ученость усвоилъ ему званіе «схоластика» и не зналъ, чему болѣе уди-

Regula S. Pachomii—помѣщ. между сочиненіями блаж. Иеронима въ Патрологіи Мины, латин. серіи т. XXIII. Греческій текстъ представляющій болѣе краткую редакцію [устава у Мины же, греч. серіи т. XL, col. 947—952. Русскій переводъ этой греч. редакціи—въ «Христ. Чтеніи» за 1827 годъ.

1) См. житіе Св. Маруошъ, въ «Христ. Чтеніи» за 1827 г.

2) Сократа Ц. И. IV, 23. Созомена Ц. И. IV, 9.

вляться — мірской-ли его учености, или знанію имъ Св. Писанія ¹⁾. Какъ многоученный богословъ, Серапіонъ заявилъ себя полемикой противъ манихейства, толкованіями надписаній книги псалмовъ, и рядомъ высоконазидательныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ ²⁾. Св. Макарій Александрійскій или городской (πολετικός), названный такъ въ отличіе отъ Макарія Великаго, прежде прибытія въ пустыню, десять лѣтъ управлялъ Александрійскимъ огласительнымъ училищемъ. Всѣ подобные пришлецы изъ ученаго міра вносили съ собою въ жизнь монашества любовь къ духовному просвѣщенію, къ чтенію, изученію и толкованію Слова Божія, къ интеллектуальной жизни вообще, что, конечно, имѣло плодомъ обильное церковное учительство въ монастыряхъ. Какъ существовавшее для насущныхъ, такъ сказать домашнихъ, нуждъ монастырской жизни, это учительство, большею частію, не записывалось; но когда между аввами — наставниками и учителями являлись личности выдающіяся, ихъ учительство воспроизводилось письменно, износилось въ міръ и дѣлалось достояніемъ всей Церкви. Такъ уже непосредственные ученики Антонія Великаго, не довольствуясь письменнымъ воспроизведеніемъ его духовныхъ наставленій, оставили послѣ себя рядъ собственныхъ письменныхъ церковно-учительныхъ твореній. Авва Аммуно ³⁾, начальникъ отшельниковъ Нитрійскихъ, составилъ «девятнадцать увѣщательныхъ главъ» аскетически-нравоучительнаго содержанія. Вышеупомянутый Макарій Александрійскій или

1) О знаменитыхъ мужахъ гл. 99.

2) Сочиненія его по частямъ изданы: *Майемъ* — въ Specilegium Romanum t. IV, р. XVI—LXVII, въ Class. auctor. t. V, отчасти раньше изданы у *Бонаже* въ Nov. Thesaurus t. I; въ *Bibliotheca maxima Patrum* Lugd. t. IV.; у *Галланди* — въ Bibliotheca veterum Patrum, t. V. Всѣ же они собраны у *Миня* въ Patrologiae cursus compl. ser. graeca t. XL.

3) Свѣдѣнія о немъ: *Сократъ* Ц. Ист. IV, 23, *Созоменъ* Ц. Ист. I, 14, *Палладій* въ Лавсаніѣ гл. VII, *Аванасій* Великій въ жизни св. Антонія. См. *Филарета* историч. ученіе объ отцахъ Церкви, т. II § 110. Сочиненіе Аммуна въ первый разъ издано *Жер. Фоссіемъ* въ 1589 г. въ латинскомъ переводѣ вмѣстѣ съ сочиненіями св. Ефрема Сиріна — Opera S. Ephraemi Syri, Romae, 1589. Въ греческомъ подлинникѣ оно имѣется въ ркп. въ Вѣнской библиотекѣ и въ библиотекѣ Московской Синодальной (№ 210 f. 351); въ Славянскомъ переводѣ — въ ркп. Толстого XIV в. (См. опис. ркп. Толстого 3, 46).

городской оставилъ послѣ себя «правило монашеское» въ тридцати главахъ, «письмо къ инокамъ» и «слово объ исходѣ души и о состояніи ея по смерти»¹⁾. *Орсисій*, ученикъ и преемникъ Пахомія, «изъяснилъ для монаховъ все Св. Писаніе» и обладалъ необычайною силою слова²⁾. О другихъ скажемъ подробно ниже.—Утвердившійся въ IV вѣкѣ обычай въ Церкви избирать изъ числа монашествующихъ—епископовъ, а также то дѣятельное и вліятельное участіе, какое съ этого времени монашествующіе принимаютъ въ догматическихъ спорахъ, волновавшихъ Церковь, свидѣлствуютъ, что Христіанское образованіе и учительство находились между монашествующими на высокой степени.

Особенныя условія съ одной стороны внѣшняго аскетическаго быта и жизни, съ другой и внутренняго развитія духовно-нравственныхъ силъ иноковъ, естественно, наложили особый отпечатокъ и на общій складъ ихъ міровоззрѣнія и сообщили особый характеръ ихъ церковному учительству. У св. отцевъ—аввъ господствуетъ *нравственно-аскетическій* типъ проповѣди. По своему содержанію эта проповѣдь представляетъ прежде всего изображеніе тѣхъ психическихъ процессовъ, какіе совершаются въ душѣ вѣрующаго на пути его къ нравственному христіанскому совершенству и къ усвоенію высшаго или внутренняго религіознаго внѣ-разсудочнаго познанія истины Божественной, равно какъ усвоенія даровъ благодати для жизни въ Богѣ. Между этими психическими процессами первое мѣсто занимаетъ та внутренняя борьба, на которую указываетъ апостоль (Рим. VII, 23), говоря объ иномъ законѣ, сущемъ въ удѣхъ его и противоющемъ закону ума, и о пакостникѣ плоти. Путемъ изученія Слова Божія, самоуглубленія и самонаблюденія, путемъ внутренняго духовнаго опыта, св. отцы—аскеты достигаютъ высшей сте-

1) *О Макаріи* см. *Сократа* Ц. И. I, 24, IV, 23. *Созомена* Ц. И. II, 22. III 14. *Палладія* Лавсаикъ гл. XIX. Сочиненія его см. у Миня, *patrologiae s. s. ser. latina* t. СП. Слово объ исходѣ души въ русск. переводѣ въ Христ. Чтеніи за 1831 годъ.

2) Жизнеописаніе его—въ *acta sanctorum Maii*, t. III, § 76. Сочиненія его—въ Патрол. Миня т. XL.

пени постиженія этихъ законовъ внутренняго психическаго развитія: степени и виды грѣховныхъ стремленій и состояній, такъ называемые на аскетическомъ языкѣ падежи совѣсти, способы борьбы со грѣхомъ, виды душевныхъ настроеній и состояній подѣ влияніемъ усилій человѣка освободиться отъ власти дьявола и грѣха, воздѣйствіе благодати и степени нравственнаго преуспѣянія, какихъ при этомъ воздѣйствіи достигаетъ христіанинъ, теорія «умовъ или духовнаго дѣланія», какъ называетъ нашъ отечественный великій авва—преподобный Ниль Сорскій дисциплину духовно-нравственной жизни,—таково главное содержаніе поученій церковныхъ учителей этой категоріи. Эти творенія—анатомія и патологія души человѣческой, а вмѣстѣ съ тѣмъ—фармакологія, діететика и гигиена духовной жизни. Ошибочно было бы думать, что этотъ родъ проповѣди, развиваясь въ средѣ монаховъ, былъ *только для монаховъ*, для какого-либо особаго рода жизни въ Христіанствѣ, не имѣющаго отношенія къ жизни общехристіанской въ мірѣ. Напротивъ: это именно та христіанская психологія, на которой воспитались не только тѣ великіе подвижники, которыхъ называли и называютъ часто и доселѣ «сѣмья свято-стоянія міра», но и всѣ великіе дѣятели классическихъ вѣковъ христіанства, пастыри и учителя Церкви IV- -XI вѣковъ въ ея полномъ составѣ. На этой аскетической морали довершали свое духовное развитіе ученѣйшіе мужи IV вѣка, находившіе въ ней источникъ своей умственной и нравственной зрѣлости, то высшее нравственное развитіе, котораго не давало полученное ими научное и классическешкольное образованіе. Здѣсь пріобрѣталась ими та нравственная крѣпость и доблесть, то высшее воодушевленіе христіанскимъ идеаломъ жизни, которыя служили источникомъ столь необычайно-плодотворной и неотразимо-вліятельной ихъ дѣятельности въ предѣлахъ пастырскаго вообще и въ частности церковно-учительскаго ихъ служенія. Эту нравственно-аскетическую мораль представители проповѣди общецерковной берутъ у нихъ и вносятъ въ свое учительство какъ принципы и первооснованіе своихъ правоучительныхъ, руководственныхъ для христіанской жизни въ мірѣ наставленій, и она входитъ,

большую или меньшую долей, въ составъ содержанія ихъ проповѣдей и сочиненій. Таковы на примѣръ нравоучительныя творенія св. Василія Великаго, перваго моралиста Христіанства; таковы же «слова аскетическія» и Аѳанасія Великаго, и самаго Златоуста. Здѣсь, въ этихъ твореніяхъ св. отцевъ—аввъ, послѣ новозавѣтнаго Слова Божія и на основаніи его, содержится зародышъ того нравственнаго перерожденія, которому подвергло міръ Христіанство, потому что сумма идей, выработанныхъ этой группой церковныхъ учителей, легла въ основу христіанскаго нравственнаго міровоззрѣнія, проникшаго въ свое время въ жизнь личную, семейную, общественную, а чрезъ то воздѣйствовавшаго на систему учрежденій бытовыхъ, гражданскихъ и государственныхъ. Вся позднѣйшая христіанская цивилизація косвеннымъ образомъ есть въ значительной степени позднѣйшій плодъ этого сѣмени. Христіанская догматика, разработанная другою группою учителей Церкви IV вѣка, стоитъ дальше отъ жизни, чѣмъ сумма идей, выработанныхъ этою первою группою. Что касается проповѣди нравоучительной собственно, послѣдующаго времени, то она лишь интерпретируетъ, примѣнительно къ разнообразнымъ частнымъ жизненнымъ положеніямъ и явленіямъ, результаты этой науки «умнаго или духовнаго дѣланія», созданной и выработанной святыми отцами—аввами. Аскеты и отшельники, не только въ это время, но и въ послѣдующіе историческіе моменты, въ своихъ пустыняхъ и монастыряхъ являются носителями этого умственнаго свѣта, этого источника нравственной мощи христіанства, возродившей міръ къ лучшей жизни. Наиболѣе знаменательные періоды позднѣйшей даже западной христіанской исторіи, не говоря уже о древней исторіи нашего отечества, совпадаютъ съ тѣми моментами ея, когда съ наибольшою силою возрождалась проповѣдь этого типа ¹⁾.

По внѣшней формѣ этотъ типъ учительства христіанскаго

¹⁾ Достаточно назвать имена Бернарда Клервосскаго, Таулера, Арида, Шенера. Въ русской проповѣди этотъ типъ является господствующимъ на всемъ пространствѣ до Петровской исторіи.

также своеобразенъ и самобытенъ, какъ и по содержанію. Онъ характеризуется полнѣйшею безыскусственностію, совершеннымъ отсутствіемъ какого бы то ни было вида діалектически-послѣдовательнаго развитія мыслей, какихъ бы то ни было слѣдовъ тематизаціи и искусственной аргументаціи, совершенно примитивною непосредственностію и наивностію. Въ этомъ смыслѣ этотъ типъ проповѣди представляетъ не что иное, какъ видоизмѣненіе первобытной христіанской проповѣди (Римл. XII, 6, 1 Кор. гл. XI—XIV) и переходъ отъ нея къ способамъ учительства собственно — дидактическимъ, основаннымъ на христіанской рефлексіи и догматической эрудиціи. Къ другимъ видамъ проповѣди IV вѣка этотъ типъ относится такъ же, какъ ученіе греческихъ мудрецовъ гномической школы и, пожалуй, Сократа, къ философіи Платона и Аристотеля, представляя впрочемъ неизмѣримо большее обиліе идей и содержаніе, чѣмъ сколько дали ихъ для философіи философы-гномики. Плодъ непосредственнаго духовнаго опыта, высшей мудрости и чрезвычайнаго благодатнаго озаренія, наставленія этихъ прозорливцевъ, этихъ «старцевъ первоначальныхъ» суть главнымъ образомъ (хотя отнюдь не исключительно) изрѣченія, т. е. афоризмы, сильные больше своею непосредственною очевидною истинностію, чѣмъ тѣмъ запасомъ доказательствъ, какой иногда сопровождаетъ ту или другую мысль. — подобно пословицамъ, правиламъ народной мудрости, изрѣкаемымъ аподиктически. Въ этомъ смыслѣ ученія св. отцевъ — аскетовъ непосредственно примыкають, какъ уже сказано, къ первобытной христіанской проповѣди, бывшей плодомъ непосредственнаго вдохновенія отъ св. Духа, непосредственнаго благодатнаго дара учительства. Среди этой группы учителей осязательно наиболѣе сохраняется и живетъ этотъ благодатный даръ, какъ и другіе благодатные дары — даръ прозорливости и даръ чудотвореній. Серапіонъ, еп. Тмуитскій въ письмѣ къ египетскимъ монахамъ говоритъ: «они (великіе аввы египетскихъ монастырей) творили чудеса и представляли другія доказательства святости своей. Прогоняя по волѣ Божіей демоновъ, врачуя тяжкія болѣзни, и разныя страданія, они показали, что врачебная наука слаба. Бо-

лѣзни, которыхъ не могли исцѣлять врачи, исцѣлялись молитвами святыхъ и сильною вѣрою. Но вы это сами знаете лучше меня: вы жили съ ними, равно и отцы ваши». Въ этомъ отношеніи знаменательно названіе сирскаго «пророка» усвоившееся современниками и потомствомъ св. Ефрему Сирину, одному изъ главныхъ представителей этой группы проповѣдниковъ.

Въ IV вѣкѣ на Востокѣ мы имѣемъ пять главныхъ представителей этого типа проповѣди: Антонія Великаго, авву Иссію, Макарія Великаго, Марка Подвижника и Ефрема Сирина ¹⁾.

1. Св. Антоній Великій ²⁾.

Этотъ великій подвижникъ благочестія родился въ 251 г. близъ Гераклеополя въ Египтѣ, на границѣ пустыни Эивандской. Въ юности оставивъ родительскій домъ, Антоній сначала поселился не въ далекѣ отъ роднаго селенія, но въ совершенномъ уединеніи, жилъ въ гробницѣ, предаваясь подвигамъ самаго суроваго аскетизма, имѣя общеніе лишь съ однимъ святымъ старцемъ, подобнымъ ему отшельникомъ, совѣтами котораго руководился въ духовной жизни. Проживъ пятнадцать

¹⁾ Міровоззрѣніе, развиваемое этими церковными учителями, можетъ быть понято и обнято вполнѣ лишь при изученіи ихъ дѣятельности совмѣстно съ другими ихъ продолжателями изъ послѣдующихъ вѣковъ, каковы: аввы *Іоаннъ Колова* († 422), *Арсеній Великій* († 448), *Іоаннъ Кассіанъ* († 435) современникъ Златоуста, *Нилъ Синайскій* (ок. 450), *Іоаннъ Лествичникъ* (487—563), авва *Варсоноуфій* († 563), авва Дороей († 620), *Анастасій Синаитъ* († 686), *Исаакъ Сиринъ* (ок. 7-го в.), *Иларіонъ* († 754), *Теодоръ Студитъ* († 826), *Теодоръ Эдесскій* (9 вѣка) и *Филофей Синайскій* (нач. 9 в.). Но объ этихъ св. отцахъ рѣчь будетъ въ послѣдствіи, при изученіи учительства церковнаго V и послѣдующихъ вѣковъ. Этюдъ «о св. Ефремѣ какъ проповѣдникѣ» напечатанъ уже нами (въ Христ. Чтеніи за 1886 г.), почему въ настоящей статьѣ у насъ будетъ рѣчь о проповѣди остальныхъ четырехъ св. аввъ—проповѣдниковъ IV вѣка.

²⁾ Подробныя свѣдѣнія о немъ: 1) *Аванасія Великаго*—Жизнь св. отца нашего Антонія (βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἀντωνίου...), у Миня въ Patrologiae cursus compl., ser. graeca t. XXVI col. 835. Болѣе извѣстно въ латинскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: *vita s. Antonii*. Въ русскомъ переводѣ это твореніе св. Аванасія помѣщено въ собраніи его твореній въ изданіи «Творенія св. отцовъ Церкви въ русскомъ переводѣ» Московской Академіи, т. XXI, стр. 203 и слѣд. 2) Блаж. *Геронима* въ книгѣ о знаменитыхъ мужахъ гл. 88, по русс. переводу тво-

лѣтъ такимъ образомъ, онъ, избѣгая распространившейся о немъ молвы, въ 285 г. переселился въ другое, болѣе уединенное мѣсто на восточномъ берегу Нила, гдѣ заключился во внутренней оградѣ запусѣвшаго укрѣпленія: лишь дважды въ годъ онъ видѣлся съ людьми приносившими ему пищу, (сухіе хлѣбы), чрезъ отверстіе стѣны. Достигнувъ такимъ образомъ полного безстрастія и мира душевнаго, обладая высшею духовною мудростію и зрѣлостію, приобрѣтенными самоуглубленіемъ и молитвой, послѣ двадцати лѣтъ такой жизни, онъ перемѣняется въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ: не только пересталъ ихъ чуждаться, но, проникнутый любовію къ нимъ, сознаетъ себя призваннымъ къ учительству среди людей. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше стекается къ нему желающихъ получить отъ него наставленіе и вразумленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ становится руководителемъ тѣхъ, кто, слѣдуя его аскетическимъ совѣтамъ или побуждаясь внѣшними бѣдственными обстоятельствами (Максиминово гоненіе), покинули міръ и поселились близъ него въ пустынѣ. Не довольствуясь преподаніемъ наставленій и утѣшеній приходящимъ къ нему, Антоній самъ, по временамъ, оставляетъ пустыню, чтобы въ

репій Иеронима т. V, стр. 382; въ его-же сочиненіяхъ: «Жизнь св. Павла Фивейскаго» и «Жизнь преп. Иларіона». 3) *Сократъ* Церк. Ист., кн. I, гл. 21, кн. IV гл. 23—25. 4) *Созомена* Церк. Ист., кн. I, гл. 13, кн. II, гл. 31. 5) Rufini, historia monachorum, edit. Roswed, Antwerp. 1615 г., также Ducasі anct. Пав. 1624 г. 6) Исторія правосл. монашества на Востокѣ П. С. *Казанскаго* М. 1859 г. 7) М. *Изъясковъ*: Св. Антоній Великій въ Христ. Чтеніи 1879 г. гл. II. 8) Лавсанкъ *Палладія* Еленопольскаго, русс. переводъ 1851 г. 9) Великій *Лимонарь* или достопамятныя сказанія о жизни св. отцовъ (ἀποφθεγμᾶτα τῶν ἁγίων ἡρεμότων) русс. переводъ 1860 г. 10) Архим. *Анатита*: Жизнь преп. Антонія В. Москва, 1865 г. 11) Жизнь св. Антонія, его устныя и письменныя наставленія. М. 1865 г. Сочиненія его, извѣстныя въ арабскомъ переводѣ, въ первый разъ изданы въ Парижѣ въ 1846 г. ученымъ маронитомъ Авраамомъ Эхеленскимъ—S. Antonii opuscula arab. latine, ed. ab. Abrahamo Echellensi. Paris, 1646. Затѣмъ у *Галланди* латинскій переводъ въ bibliothese Patrum, t. IV и у *Миши* въ Patrologiae cursus compl. ser. граеса t. XL. Другія изданія исчислены въ статьѣ Изъясковъ. По частямъ сочиненія его печатались въ русскомъ переводѣ въ Христ. Чтеніи 1826—1829 и въ Душеполезномъ Чтеніи. Нѣкоторыя изъ извѣстныхъ съ его именемъ сочиненія остаются не изданными, см. *Maii*, collect. veterum Patrum V, p. 45—46, t. IV, p. 429.

Александріи (311 г.) явить нравственную помощь и утѣшеніе бѣдствующему Христіанству, укрѣпляя своимъ словомъ мужество мучениковъ и исповѣдниковъ. При возвращеніи его въ пустыню, множество людей послѣдовало за нимъ и около мѣста его обитанія образовался рядъ поселеній. Тогда Антоній еще разъ перемѣнилъ мѣсто своихъ подвиговъ, и переселился во «внутреннюю пустыню», близъ самаго Чермнаго моря и здѣсь прожилъ все остальное время своей жизни—около пятидесяти лѣтъ, нерѣдко, впрочемъ, оставляя свое уединеніе для посѣщенія прежнихъ мѣстъ своего обитанія, гдѣ во множествѣ устроились уже монастырскія обители. Руководя ихъ своими наставленіями, онъ въ то-же время принимаетъ желающихъ послушать его ученіе и у себя; въ эту половину своей жизни св. Антоній составляетъ предметъ особеннаго высокаго уваженія всего христіанскаго міра, который смотритъ на него не только какъ на великаго подвижника, но и какъ на учителя цѣлой Церкви. И самъ онъ принимаетъ живое участіе въ общецерковныхъ дѣлахъ: сносится съ Императоромъ Константиномъ, который пишетъ ему посланіе и предъ которымъ онъ ходатайствуетъ за св. Аванасія,—вообще борется противъ аріанства, которое обличаетъ въ посланіяхъ къ аріанскому епископу Григорію и къ гражданскому правителю Александріи Валакію, заботится объ обращеніи къ Церкви другихъ еретиковъ и раскольниковъ, не уклоняется отъ препирательствъ съ самими языческими философами; будучи уже ста лѣтъ, еще разъ лично посѣщаетъ Александрію и однимъ своимъ появленіемъ въ этомъ городѣ способствуетъ утвержденію въ немъ правовѣрія и благочестія. Умирая (въ 356 году), Антоній завѣщалъ своимъ ученикамъ похоронить его въ неизвѣстномъ для другихъ мѣстѣ, опасаясь, чтобы простой народъ не сдѣлалъ его могилы предметомъ суевѣрнаго языческаго чествованія.

Св. Антоній не получилъ никакого научнаго образованія и былъ даже не грамотенъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе онъ хорошо зналъ

¹⁾ Св. Аванасій («Жизнь св. Антонія» § 1) говоритъ, что онъ «не захотѣлъ учиться грамотѣ», что «память замѣнила ему книги». «О немъ разсказываютъ, говоритъ блаж. Августинъ, будто онъ *вовсе безъ науки, по одной на-*

все Св. Писаніе, изучивши его чрезъ слушаніе, обладалъ великою христіанскою мудростію, яснымъ и здравымъ пониманіемъ ученія Церкви какъ догматическаго (что выразилось, между прочимъ, въ его сужденіяхъ объ аріанствѣ), такъ особенно оригинальнымъ и глубокимъ пониманіемъ христіански-нравственныхъ основаній и правилъ жизни внутренней—психической, и внѣшней, общественно-мірской. Для своихъ современниковъ и для послѣдующихъ поколѣній Антоній въ этомъ отношеніи былъ предметомъ благоговѣйнаго удивленія. Синезіій, епископъ Птолемаидскій, будучи еще язычникомъ, удивляясь величію души Антонія, его высокому развитію, помимо образованія школьнаго, его остроумію и находчивости, помимо всякаго знакомства съ діалектикою, сравнивалъ его съ великими мудрецами древности и съ основателями религій, въ родѣ Зороастра.

Подъ именемъ св. Антонія нынѣ въ литературѣ извѣстны:

1) Слово о суетѣ міра и о воскресеніи мертвыхъ (*sermo de*

smilitate, зналъ все Св. Писаніе на память, и при помощи одного здраваго размышленія совершенно разумѣлъ оно» (Христ. наука, вступленіе, § 4, по русс. изданію 1835 г., стр. 4—5). Самъ Антоній въ «Жизни» составл. Аванасіемъ, § 78) говоритъ: *μη μαδόντες ἡμεῖς γράμματα, πιστεύομεν εἰς τὸν Θεόν*. Въ 8-мъ словѣ къ монахамъ (Христ. Чтеніе, ч. XXXII, стр. 38) Антоній говоритъ: «Духъ..... откроетъ вамъ много и другаго, чего я не могу изложить перомъ и чернилами на бумагѣ» (*aliave quam plura quae charta, calamo atramentoque non valeo*), но этихъ словъ нельзя понимать въ томъ смыслѣ, будто онъ самъ писалъ; эти слова влагаютъ ему въ уста записыватели его рѣчей (объ этомъ—ниже). По этому невѣрно замѣчаютъ русскіе переводчики писемъ Антонія къ монахамъ: «онъ писалъ... на египетскомъ языкѣ»: (Христ. Чт. ч. XXII, стр. 40). Для объясненія необычнаго для неграмотнаго знанія св. Писанія, какимъ обладалъ Антоній, достаточно указать на то, что на Востокѣ, и особенно между Арабами и Коптами, между которыми искусство письма, какъ теперь, такъ и всегда не довольно распространено, священныя произведенія древности заучивались наизусть *со словъ другаго*, такимъ-же способомъ вообще передаются всякаго рода знанія эти отъ одного поколѣнія другому. Между Арабами называютъ лицъ, не знавшихъ грамоты, но знавшихъ болѣе 20,000 стиховъ изъ разныхъ произведеній духовнаго творчества и могшихъ назвать автора каждаго стиха. (Д. А. Хвольсонъ, въ статьѣ: какъ писались книги, Христ. Чтеніе, 1874 г. ч. 1-а). Это обстоятельство слѣдуетъ имѣть въ виду какъ при объясненіи чрезвычайныхъ познаній Антонія въ св. Писаніи, такъ и при объясненіи сохраненія въ неповрежденности подлинныхъ изрѣченій Антонія. Ученики его усвоили его рѣченія наизусть и хранили текстъ ихъ въ своей памяти свято и не нарушимо, подобно текстамъ Св. Писанія.

vanitate mundi et de resurrectione mortuorum), найденное Ж. Воссиемъ въ древнемъ манускриптѣ Альды Минуція (помѣщено у Голланди и Миня); 2) «VII писемъ», переведенныхъ съ греческаго на латинскій Соразиемъ и изданныхъ въ 1515 г. въ Парижѣ Кампериемъ, перепечатанныхъ въ 1536 г. Дюномъ Картезианскимъ въ числѣ комментарій на Діонисія Ареопажита; 3) «XX рѣчей о добродѣтеляхъ и порокахъ» (sermões XX s. Antonii), найденныя въ арабскомъ манускриптѣ и изданныя въ латинскомъ переводѣ въ 1646 г. Авраамомъ Енхелленскимъ; 4) «XX писемъ (epistolae), переведенныхъ съ арабскаго на латинскій Авраамомъ Енхелленскимъ и изданныя въ 1641 г.; 5) «правила» (regulae), «духовныя наставленія» (spiritualia documenta) и «увѣщанія» (admonitiones), а также его «мнѣнія» (sententiae) и «отвѣты» (responsiones); наконецъ 6) «наставленія для нравственности челоувѣковъ и доброй жизни» въ ста семидесяти главахъ, изданныя въ 1782 г. на греческомъ языкѣ Іоан. Маврокордато и переведенныя на русскій языкъ (въ «Христ. Чтеніи» за 1821 годъ и въ книгѣ: «Добролюбіе»). На ряду съ этими произведеніями Антонія, слѣдуетъ поставить составленную св. Аѳанасіемъ «жизнь Антонія», въ которой передаются весьма многія наставленія Антонія. Относительно сочиненія, изданнаго Маврокордато, многіе думаютъ, что оно Антонію Великому не принадлежитъ. Каве, Удень, Фабрицій приписываютъ его писателю XII вѣка Антонію Мелиссѣ; имъ слѣдуютъ и нѣкоторые изъ русскихъ изслѣдователей (Христ. Чтеніе 1879 г.). Но въ пользу принадлежности его Антонію Великому говоритъ свидѣтельство Петра Дамаскина (въ половинѣ VIII в.) и замѣчательное сходство по мыслямъ и изложенію съ несомнѣнно подлинными произведеніями великаго аввы IV вѣка. Что касается этихъ послѣднихъ, то въ виду того, что самъ Антоній не умѣлъ читать и писать, о принадлежности ему письменной редакціи его ученія, какъ автору, въ строгомъ смыслѣ слова не можетъ быть и рѣчи. Поученія Антонія записаны его учениками, но во всѣхъ ихъ содержится болѣе или менѣе подлинное ученіе Антонія. Въ однихъ изъ нихъ ученіе это содержится въ записи его учениковъ болѣе или менѣе близкой ко

времени ихъ произнесенія. хотя критика и въ нихъ открываетъ нѣкоторыя незначительныя дополненія позднѣйшаго времени (напримѣръ наставленіе объ одеждѣ монашествующихъ, сдѣлавшейся для нихъ однообразною несомнѣнно позже Антонія)¹⁾. Къ этой группѣ относятся XX писемъ и XX рѣчей Антонія. Другія («правила», «увѣщанія», и «духовныя наставленія») хотя въ различныхъ спискахъ помѣщаются съ именемъ Антонія, представляютъ его наставленія въ редакціи замѣтно видоизмѣняющей если не ученіе, то первоначальный высшій видъ его поученій св. Антонія, (черезъ вставки отрывковъ изъ наставленій другихъ египетскихъ аввъ, преимущественно аввы Пахомія), примѣнительно къ потребностямъ монастырей общежительныхъ, киновій, возникшихъ позже основаннаго Антоніемъ анахоретства. Самымъ близкимъ къ подлинному ученію Антонія изложеніемъ его считается записъ его наставленій, находящаяся въ «жизни св. Антонія», составленной современникомъ его св. Аѳанасіемъ. А что и XX рѣчей и XX писемъ Антонія, не смотря на нѣкоторыя детали въ нихъ, принадлежащія записывателямъ, представляютъ подлинное ученіе Антонія, за то ручаются: то общее благоговѣніе, съ какимъ относились къ Антонію его ученики, которое едвали могло позволить имъ соединять съ его именемъ ученіе не изъ его устъ вышедшее; затѣмъ то благоговѣніе, съ какимъ всѣ всегда относились къ этимъ сочиненіямъ, какъ подлиннымъ поученіямъ св. Антонія: благоговѣніе это выказывали одинаково какъ ближайшія ко времени Антонія поколѣнія египетскихъ иноковъ, такъ равно позднѣйшее восточное монашество всѣхъ сектъ, которое единогласно усвоило эти наставленія въ цѣломъ ихъ составѣ великому аввѣ Антонію. Наконецъ въ пользу принадлежности Антонію содержащагося въ XX рѣчахъ и XX письмахъ ученія свидѣтельствуеетъ тождество многихъ содержащихся въ нихъ наставленій съ тѣми, какія находятся въ «жизни св. Антонія», составленной св. Аѳанасіемъ.

Обратимся къ изученію этого своеобразнаго аскетическаго

¹⁾ Извѣкова: Антоній В. въ «Христ. Чтеніи» 1879 г. II, стр. 280—300.

типа христіанскаго учительства въ его древнѣйшей примитивной формѣ и къ обзорѣнію того міровоззрѣнія, какое развивалъ въ своихъ поученіяхъ величайшій изъ св. отцовъ—аввъ.

Относительно внѣшняго вида поученій св. Антонія слѣдуетъ сказать тоже, что сказалъ одинъ изъ издателей ихъ, Каптерій, о его письмахъ: «не знаю, чему въ нихъ болѣе удивляться: основательности-ли или пріятности. Но какой у него методъ изложенія, какой планъ? Никакого. И однако я восхищаюсь имъ» ¹⁾. Св. Аѳанасій, говоря о поученіяхъ Антонія, замѣчаетъ, что онъ давалъ «краткія наставленія» ²⁾. Самъ Антоній выражается о своихъ поученіяхъ: «наставленія мои кратки, потому что сердце, желающее освободиться отъ грѣха, не имѣетъ нужды во множествѣ словъ» ³⁾. Плодъ ума, чуждаго школьнаго образованія, незнакомаго съ какимъ-бы то ни было способомъ изложенія мыслей діалектическимъ и риторическимъ, его наставленія суть афоризмы и чужды какому-бы то ни было развитія и разъясненія въ видѣ доказательствъ, какъ изрѣченія книги Притчей или Экклезіаста или какъ гномы семи древнихъ греческихъ мудрецовъ. Но при всей бездоказательности и афористичности его наставленія сильны своею очевидною несомнѣнною истинностію, какъ это свойственно словеснымъ произведеніямъ этого рода, получившимъ общечеловѣческую классическую извѣстность. Такой характеръ его наставленій является какъ плодъ высшаго духовнаго озаренія и развитія Богомудраго мужа. По свидѣтельству книги «достопамятныя сказанія о св. Антоніи» ⁴⁾ св. Антоній былъ духоносець—пророкъ: «онъ возвѣщалъ не только то, что дѣлается въ мірѣ, но и то, что будетъ». Самъ Антоній говорилъ о себѣ: «я, грѣшный, открываю вамъ о себѣ, что Богъ пробудилъ умъ мой отъ сна смерти, вся прошедшая долговременная жизнь моя послѣ того была не что иное, какъ непрестанный плачь и стenanіе о грѣхахъ моихъ». «Господь

¹⁾ Migne, patrol. cursus compl. t. XL, col. 956. Notitiae.

²⁾ Жизнь Антонія, § 85.

³⁾ Epistola ad monachos.

⁴⁾ У Котельера въ monumenta ecclesiae graecae, I, 340. См. Христ. Чтеніе 1821 г. I, 310.

отъ отрочества до сего дня внималъ молитвамъ моимъ». «Я уже не боюсь Бога—я люблю Его» ¹⁾. Сердцевѣдѣніе, плодъ высшаго озаренія и духовнаго опыта, вслѣдствіе этого составляетъ постоянную выдающуюся черту учительства этого пророка IV вѣка. Въ изображеніяхъ душевныхъ движеній и состояній грѣховныхъ и праведности, въ опредѣленіяхъ и характеристикахъ этихъ состояній онъ едва-ли не превосходитъ всѣхъ прочихъ отцовъ—проповѣдниковъ IV вѣка. Блажен. Иеронимъ находитъ въ его поученіяхъ «духъ апостольскій». Но не только духъ, а и складъ мысли и рѣчи живо напоминаютъ характеръ наставленій апостольскихъ, и еще болѣе—наставленій мужей апостольскихъ, ту безъискусственную Богодуховенную дидакалію первобытныхъ временъ христіанства, отголосками которой являются творенія Климента Римскаго. Игнатія и Поликарпа. а особенно учительныя мѣста въ Постановленіяхъ апостольскихъ и всецѣло — «ученіе двѣнадцати апостоловъ» (*διδαχή των δώδεκα ἀποστόλων*), Слово къ монахамъ 18-е ²⁾ съ послѣднимъ произведеніемъ сходно даже почти буквально—въ ученіи «о двухъ путяхъ жизни». Впрочемъ форма афоризмовъ—краткихъ изрѣченій—не единственная форма поученій Антонія. Другая, нерѣдко встрѣчающаяся особенность внѣшней стороны этихъ поученій—діалогъ, въ которомъ тѣ или другія мысли высказываются св. аввой въ видѣ отвѣтовъ на предлагаемые вопросы и возраженія. Эта форма поученій еще болѣе замѣчательна, какъ остатокъ или отголосокъ самой первичной формы церковныхъ поученій, бывшихъ въ началѣ собесѣдованіями въ собственномъ смыслѣ,—на которую есть указанія еще въ св. Писаніи Новаго Завѣта (Дѣян. XX, 7, 11) ³⁾.

Что касается содержанія поученій св. Антонія и развивае-

¹⁾ См. Христ. Чтеніе, XXXI, 19, XXXII, 35.—7-е и 8-е письма къ монахамъ.

²⁾ Христ. Чтеніе 1825 г. XX, 324. Слич. «Ученіе двѣнадцати апостоловъ» по изданію священника І. Соловьева (Москва 1886), стр. 43 и слѣд. также VII книгу постановленій апостольскихъ по изданію І. Н. (Казань, 1864 г.), стр. 210 и слѣд. Также посланія ап.—Варкова.

³⁾ Подробнѣе см. объ этомъ въ нашей «Исторіи первобытной проповѣди», Спб. 1885.

маго въ нихъ міровоззрѣнія, то въ этомъ отношеніи учительная дѣятельность св. Антонія представляетъ два послѣдовательныхъ момента развитія, соотвѣтственно двумъ неодинаковымъ періодамъ его внѣшней жизни и его личнаго духовнаго развитія.

Н. Барсовъ.

(Продолженіе будетъ).

О Ч Е Р К И

ИЗЪ

ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ.

Представители нравственно-аскетическаго типа проповѣди на Востоцѣ

ВЪ IV ВѢКѢ.

(Продолженіе *).

Одна часть поученій св. Антонія имѣетъ содержаніе аскетическое въ собственномъ и строгомъ смыслѣ слова; въ этихъ поученіяхъ его господствующая тенденція—отреченіе отъ міра и яже въ мірѣ: «Только вдали отъ міра, покинувъ все, всему предпочтя небесное отечество, можно достигнуть состоянія добродѣтели» — такова исходная точка зрѣнія въ этой группѣ поученій св. Антонія. Въ частности здѣсь св. Антоній ведетъ рѣчь о способахъ аскетическаго самоусовершенія и образа жизни, борьбы съ плотію и врагомъ спасенія. Но и въ этомъ періодѣ его учительной дѣятельности, его наставленія носятъ отпечатокъ близкаго приспособленія къ общимъ психическимъ законамъ и вообще къ природѣ человѣка. Во второмъ періодѣ чѣмъ дальше, тѣмъ больше св. авва входитъ въ условія жизни мірской и излагаетъ общехристіанскія правила добродѣтели и способы ея развитія—въ обычныхъ условіяхъ житейскаго

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 4.

быта. Здѣсь наставленія его болѣе или менѣе чужды спеціально-иноческаго аскетизма и какого-либо ригоризма, представляя мудрое постиженіе общихъ законовъ человѣческаго сердца и примѣненіе къ нимъ евангельской морали. По предмету учительство Антонія обнимаетъ всю область христіанскаго ученія какъ догматическаго, такъ и нравственнаго.

Въ первомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія его отвѣты языческимъ философамъ, свидѣтельствующіе о замѣчательномъ его остроуміи и проницательности. Зачѣмъ они — мудрецы, пришли къ нему невѣждѣ, спросилъ Антоній пришедшихъ къ нему языческихъ философовъ. «Если вы шли къ человѣку неразумному, то не для чего было идти; а если считаете меня разумнымъ, то будьте такими же какъ я, потому что хорошему нужно подражать; я христіанинъ, поэтому и вамъ слѣдуетъ сдѣлаться христіанами» ¹⁾.

Какъ онъ можетъ сдѣлаться лучшимъ, удалившись въ пустыню и живя безъ книгъ? спрашивали его. «Скажи мнѣ, возразилъ Антоній, что прежде произошло, разумъ и мысль, или — буквы и письменность? Человѣкъ, получившій отъ природы разумъ, можетъ продолжать свое развитіе и безъ книгъ, наблюдая и изучая природу. Моя книга — вся природа: она всегда лежитъ открытою предо мною, и я узнаю изъ нея обо всемъ, какъ скоро захочется мнѣ читать слово Божіе» ²⁾. Когда философы осмѣивали христіанское ученіе о крестѣ, Антоній отвѣчалъ: «Проповѣдуемое нами (ученіе о крестѣ Христовомъ) есть доказательство мужества и знакъ презрѣнія къ смерти, а то, чему учите вы, заражено непотребствомъ. Язычникамъ смѣяться надъ вочеловѣченіемъ Сына Божія неприлично уже потому, что сами они учатъ о ниспаденіи душъ въ тѣла человѣческія и о переселеніи ихъ въ животныхъ. Вѣра въ нисшествіе на землю Сына Божія основывается на всемогуществѣ и человѣколюбіи Промыслителя, и потому воплощеніе нисколько не унижительно для Божества» ³⁾. Понося крестъ

¹⁾ Жизнь св. Антонія, § 72.

²⁾ Сократъ, Ц. И. IV, 23. Жизнь св. Антонія, § 73.

³⁾ Жизнь св. Антонія, § 74.

Христовъ, забываютъ о воскресеніи, упоминая о крестной смерти, забываютъ о прозрѣніи слѣпыхъ, исцѣленіи бѣсноватыхъ, воскрешеніи мертвыхъ и т. д., доказывающихъ Божество І. Х. — Силы природы не должны быть предметомъ почета и Боготворенія. Боготворить ихъ значить тоже, что честь, принадлежащую зодчему, воздавать построенному имъ зданію, или честь, принадлежащую полководцу, оказывать простому воину» ¹⁾. Не менѣе мѣтки изрѣченія Антонія объ аріанствѣ, имѣвшія особенную дѣйственность въ глазахъ простаго народа. «Арій измыслилъ нечестивое ученіе о Единородномъ: Безначальному онъ положилъ начало, Безконечнаго и Неограниченнаго сдѣлалъ конечнымъ и ограниченнымъ. Арій сдѣлалъ великое беззаконіе, грѣхъ его непростителевъ» ²⁾. «Сынъ Божій не есть тварь и не изъ не сущихъ, но присносущее Слово и Мудрость существа Отцаго. Не имѣйте никакого общенія съ аріанами, ибо какое общеніе Свѣта со тьмой? Какъ вы, соблюдающіе благочестіе, называетесь христіанами, такъ они, называющіе тварію Сущаго отъ Отца, Сына Божія, ничѣмъ не отличаются отъ язычниковъ, служа больше твари, чѣмъ сотворившему ее» ³⁾. Аріанъ онъ сравниваетъ съ ослами, которые, какъ было ему въ видѣніи, окружая трапезу Господню, били ее своими копытами.

Затѣмъ въ поученіяхъ къ инокамъ Антоній столь же краткими и безыскусственными, но мѣткими, оригинальными и вѣрными чертами, излагаетъ ученіе почти о всѣхъ главныхъ христіанскихъ догматахъ: опредѣляетъ вѣру въ Бога и ея свойство, говоритъ о свойствахъ существа Божія, о необходимости явленія во плоти Сына Божія и о значеніи его искупительныхъ заслугъ, о всемъ домостроительствѣ спасенія рода человѣческаго, о благодати, ея необходимости и свойствахъ ея дѣйствія, о ея отношеніи къ свободѣ человѣка, о молитвѣ за насъ святыхъ, о воскресеніи мертвыхъ, о страшномъ судѣ и будущей жизни.

1) Жизнь... § 76.

2) Epist. ad monachos IV.

3) Жизнь св. Антонія, § 69.

Но специальная область учительства Антонія—область *нравоученія христіанскаго*. Прежде всего о нравственномъ значеніи *дѣла* онъ судить не по однимъ внѣшнимъ ихъ проявленіямъ, но по внутреннимъ расположеніямъ, по тому, насколько эти дѣла происходятъ изъ любви къ Богу и человѣку. Самое отшельничество онъ не считаетъ за подвигъ, который добродѣтельень самъ по себѣ,—добродѣтельнымъ можетъ быть всякій и вездѣ. Выше умерщвленія плоти онъ считаетъ добродѣтели внутреннія, любовь къ ближнему, незлобіе, смиреніе и т. д. Въ своихъ краткихъ изрѣченіяхъ онъ излагаетъ очень часто носящее печать полной самобытности ученіе о добродѣтеляхъ и порокахъ, обнаруживая много наблюдательности и высшаго опытнаго знанія, и выражая вполнѣ свѣтлый взглядъ на человѣческую природу и личность. «Добродѣтель недалеко отъ насъ находится. Елины, чтобы обучиться словеснымъ наукамъ, предпринимаютъ далекія путешествія, переплываютъ моря; христіанамъ же нѣтъ нужды далеко ходить для полученія царства небснаго, нѣтъ нужды переплывать море, ища добродѣтели. Добродѣтель въ насъ и изъ насъ развивается. Она образуется въ душѣ, у которой разумныя силы дѣйствуютъ согласно съ ея природою. Этого же достигаетъ душа тогда, когда остается такою, какою сотворена; сотворена же она доброю и совершенно правою. Чтобы быть душѣ правою, нужно разумной ея силѣ быть въ такомъ согласіи съ природою своею, въ какомъ она создана ¹⁾. Уклоненіе души отъ этого естественнаго состоянія и производитъ порочность. Любовь къ Богу и страхъ Божій, изгоняющій изъ души всякій грѣхъ и коварство ²⁾, долготерпѣніе по образу Спасителя ³⁾, незлобіе ⁴⁾, доставляющее человѣку славу и честь въ этой и будущей жизни, стыдъ, раждающійся послѣ содѣяннаго грѣха,—истинный полезный стыдъ ⁵⁾, миръ—жизнь тихая, основанная на добродѣтели, чуждая небрежности и распущенности.

1) Жизнь св. Антонія, § 20.

2) Sermo II, de timore Domini.

3) Sermo III.

4) Sermo IV, de simplicitate.

5) Sermo XII.

смирение ¹⁾, всегдашняя вѣра въ Бога и преданность Его во-
лѣ ²⁾, постоянное усиліе сдѣлаться добродѣтельнымъ—главныя
нравственныя качества, которыя главнымъ образомъ, болѣе или
менѣе подробно и остроумно изображаетъ Антоній. «Духъ свя-
тый ниспосылаетъ человѣку свою помощь по мѣрѣ его рев-
ности къ благочестію, по мѣрѣ того, какъ онъ чувствуетъ
нужду въ пособіи. Когда Божественная благодать не нахо-
дитъ препятствій своимъ дѣйствіямъ въ сердцѣ человѣка, она
постепенно искореняетъ всѣ страсти въ его сердцѣ. При по-
мощи благодати исполненіе закона становится для человѣка
легкимъ и онъ научается служить болѣе Творцу, нежели тва-
рямъ» ³⁾. Чтобы познавать средства, дарованныя человѣку Бо-
гомъ для достиженія царствія небеснаго, Антоній совѣтуетъ
изучать прилежно Св. Писаніе: Христосъ буйствомъ проповѣ-
ди своей умудрилъ насъ, обогатилъ своею нищетою и укрѣ-
пилъ немощами своими ⁴⁾. Прекрасно ученіе Антонія о сво-
бодномъ рабствѣ сыновъ Божіихъ. «Кто боится Господа и
исполняетъ его заповѣди, тотъ есть истинный рабъ Божій.
Но рабство это оправдываетъ человѣка предъ Богомъ. Оно
есть свобода сыновъ Божіихъ. Законъ Божій подвергаетъ насъ
рабству, спасительному для насъ. Онъ научаетъ насъ обузды-
вать страсти и исполнять то, чего требуетъ добродѣтель. До-
бродѣтели же, которыхъ требуетъ стъ насъ Богъ, не далеко
отъ васъ. Онѣ въ васъ находятся. Вы найдете ихъ въ себѣ,
когда не будете увлекаться предметами скоро проходящаго
міра сего, но будете слѣдовать гласу благодати въ сердцѣ
своемъ ⁵⁾. Истинно свободенъ тотъ, кто не находится въ раб-
ствѣ у похотей, но благоразумно господствуетъ надъ тѣломъ.
«Отъ ближняго зависитъ наша жизнь и смерть. Если мы при-
обрѣтаемъ брата, то приобретаемъ Бога, а если соблазняемъ
брата, то грѣшимъ противъ Христа» ⁶⁾.

¹⁾ Epistola ad monachos XVI.

²⁾ Sermo I, de fide.

³⁾ Epistola II. De promulgatione legis. См. Христ. Чт. 1826 г. XXII, 63.

⁴⁾ Ep. III, Хр. Чтеніе, ч. XXII, с. 59.

⁵⁾ Epist. IV, Христ. Чтеніе 1826 г., ч. XXII, стр. 163.

⁶⁾ Достопамятныя сказанія § 9; sermo XI, de sapientia, s. XIII, de vana gloria, sermo IX и друг.

Въ параллель съ изображеніемъ добродѣтелей Антоній изображаетъ и обличаетъ пороки: тщеславіе, двуязычіе, гордость, дерзость и безстыдство, ложный стыдъ, заставляющій принимать участіе въ порочныхъ дѣлахъ другихъ и отвращающій отъ дѣлъ добрыхъ и полезныхъ, лесть и униженіе. «Всѣ грѣхи ненавистны Богу, но всѣхъ ненавистнѣе гордость. Безопаснѣе жить съ гидрою или дракономъ, чѣмъ съ человѣкомъ гордымъ. Драконъ, если увидитъ нагаго человѣка, удаляется, но гордый не чувствуетъ никакого стыда». «Тщеславіе побуждаетъ человѣка предпринимать различные труды, посты, молитвы, ночныя бдѣнія, заставляетъ подавать милостыню предъ людьми, и за все это награждаетъ въ будущей жизни только стыдомъ и безчестіемъ».

«Не тѣ умны, кто возразумѣлъ науки и книги древнихъ мудрецовъ, а тѣ, кто имѣетъ умную душу, которые могутъ распознавать, что добро и что зло, — худаго убѣгаютъ, а о добромъ ревностно стараются». (Христ. Чтеніе. I, 237). «Никакой нѣтъ пользы учиться наукамъ, если при этомъ не имѣется въ виду достигнуть жизни Богоугодной. Впрочемъ причина всѣхъ золь—заблужденіе, обманъ и невѣдѣніе Бога». (— стр. 247). «Зрѣніе дано намъ для того, чтобы распознавать видимое, — что бѣло и что черно. Такъ и сила ума дана намъ для того, чтобы мы рассуждали, что полезно для души.—Невѣжды считаютъ ученіе смѣшнымъ дѣломъ, не хотятъ слушать его, потому что оно обнаруживаетъ ихъ невѣжество, и хотятъ, чтобы всѣ были имъ подобны. Люди развратной жизни хотятъ, чтобы всѣ были еще хуже ихъ, думая во множествѣ порочныхъ найти себѣ извиненіе». — «Богатый и знатный безъ образованія и добродѣтели, по сужденію здраво мыслящихъ, несчастенъ; бѣдный, хотя бы и рабъ, украшенный знаніемъ и добродѣтелію, счастливъ». «Образователемъ людей долженъ быть названъ тотъ, кто грубыхъ дѣлаетъ такъ кроткими, что они получаютъ любовь къ наукамъ и къ образованію, — кто людей невоздержныхъ приводитъ къ добродѣтели». «Если дѣйствительно въ насъ есть умъ, то мы достойны названія людей. если нѣтъ въ насъ дѣйствія ума, то мы отличаемся отъ безсловесныхъ только составомъ тѣла и даромъ

слова». «Нѣтъ пользы изучать наукл. если при этомъ не будетъ жизни Богоугодной». «Умъ все видитъ, даже и небесное, и ничто не омрачаетъ его кромѣ грѣха. Для чистаго ума нѣтъ ничего непостижимаго, какъ для слова нѣтъ ничего неизглаголаннаго». (Наставл. въ 170 гл.). «Какъ кормчіе съ тою цѣлію правятъ кораблемъ, дабы онъ не нашелъ на подводный камень: такъ и старающіеся о добродѣтельной жизни должны смотрѣть, чего имъ должно избѣгать». (Хр. Чт. I. 244). «Должно заботиться о добродѣтельной жизни, которая такъ же бы сіяла между прочими людьми, какъ малая багряная ткань, возложенная для убранства на бѣлую одежду, бываетъ и красива и примѣтна» (— стр. 251). «У людей ничего нѣтъ цѣннѣе слова. Словомъ благодаренія мы служимъ Богу, словомъ бесполезнымъ и безчестнымъ подвергаемъ суду нашу душу» (— 261). «Въ гостинницѣ нѣкоторые занимаютъ кровати, а другіе, не имѣя оныхъ, спятъ на полу не хуже тѣхъ, которые на кроватяхъ, и проведши ночь, по утру всѣ до одного выходятъ изъ гостинницы и оставляютъ то, на чемъ спали, а берутъ только собственное. Такъ и находящіеся въ сей жизни, бѣдно ли они живутъ, или въ славѣ и богатствѣ, всѣ выходятъ изъ міра, какъ изъ гостинницы, и не берутъ съ собою никакихъ житейскихъ удовольствій, а только дѣла свои» (— 267). «Мы не прежде чувствуемъ удовольствіе и радость, какъ испытавъ на самомъ дѣлѣ печаль. Тотъ не съ пріятностію ѣсть, кто не былъ голоденъ; не сладко спитъ, кто не боролся съ дремотою; не находитъ вкуса въ радости, кто не испыталъ печали. Такимъ же образомъ не вкусимъ и вѣчныхъ благъ, если не воздержимся отъ кратковременныхъ» (— 275). «Какъ тѣло, возросшее во чревѣ до извѣстной мѣры, должно родиться: такъ душа, достигши въ тѣлѣ назначеннаго Богомъ предѣла, должна выйти изъ тѣла» (— 278). «Какъ города содержать палачей не потому, что одобряютъ ихъ низкое занятіе, а для того, чтобы посредствомъ ихъ наказывать виновныхъ: такъ и Богъ попускаетъ злымъ преобладать на землѣ для того, чтобы ими наказывать нечестныхъ» (— 280). «Не входи ни въ какой домъ вмѣстѣ съ коварнымъ человѣкомъ: иначе ты сдѣлаешься участникомъ его грѣховъ. Лучше быть

тебѣ вмѣстѣ съ звѣрями, нежели съ коварнымъ человѣкомъ. Онъ ласково будетъ обходиться съ тобою и дружественно разговаривать; но какъ скоро однажды сдѣлаешь что нибудь непріятное для него: онъ прибѣгнетъ къ коварству своему и неожиданно погубить тебя» (Хр. Чт. 1825. XX, 328). «Кто наставляетъ въ истинахъ вѣры ожесточеннаго, и невѣрнаго: тотъ драгоценные камни бросаетъ въ глубину моря; какъ вода быстро и скоро стекаетъ въ мѣста низменныя, такъ Слово Божіе удобно втекаетъ въ душу вѣрующаго» (— 319).

«Мы не должны заботиться много о служеніи людямъ. чтобы не сдѣлаться участниками ихъ грѣховъ и не быть исполнителями ихъ порочныхъ желаній» (— 308). «Тѣло, когда находится въ немъ душа, проходитъ три состоянія — отроческое, мужеское и старческое. Такъ и душа, находясь въ тѣлѣ, преемственно имѣетъ три же состоянія — состояніе вѣры раждающей, усовершенствующейся и усовершенствовавшейся» (Хр. Чт. 1829, XXXV, 16). «Будьте мужественны и презирайте дьявола. У васъ есть Спаситель, Который всегда готовъ подать вамъ помощь, если вы будете исполнять Его волю» (Хр. Чт. 1825, XX, 308). «Злые духи многообразными способами стараются совратить насъ съ пути добродѣтели. Я днемъ и ночью молю Господа, чтобы онъ отверзъ очи сердца вашего, чтобы вы могли видѣть всѣ коварства злыхъ духовъ и всю ихъ ненависть къ вамъ, чтобы укрѣпили сердце ваше въ духовномъ бдѣніи, далъ вамъ духъ разума, во всякое время предохранять себя отъ обольщенія и губительныхъ внушеній злыхъ духовъ. Они побуждаютъ насъ предпринимать такіа дѣла. которыя выше нашихъ силъ, и отклоняютъ отъ неимѣнія того, что для насъ и полезно и нужно» (Х. Ч. 1826, XXXI, 180). «Мы должны прежде всего стараться познать самихъ себя. Кто имѣетъ правильное познаніе о самомъ себѣ, тотъ имѣетъ правильное познаніе и о тваряхъ, которыхъ Богъ произвелъ, и достоинство безсмертнаго духа человѣческаго, заключеннаго на-время въ брненное тѣло, дабы въ немъ усовершенать себя въ добродѣтели» (— 185). «Если человѣкъ захочетъ сварить овощи на огнѣ самъ, то раздуетъ его, доколѣ онъ не разгорится: послѣ чего огонь получаетъ свою естественную силу

и производить въ водѣ кипяченіе. Подобнымъ образомъ и вы, дѣти мои, если замѣтите, что души ваши отъ лѣности и нерадѣнія охладѣвають, старайтесь пробудить и согрѣть ихъ слезами покаянія. Духовная теплота возвратится къ вамъ, войдетъ въ глубину душъ вашихъ и вы, преобразенные будете кипѣть добрыми дѣлами» (Х. Ч. XXXIII, 123). «Придетъ время, когда люди будутъ сумасшедшіе, и если увидятъ кого не сумасшедшаго, то возстанутъ на него и будутъ говорить ему: ты сумасшедшій» (Хр. Чт. за 1821 г., ч. I, стр. 309). «Молю Бога, да сохранивъ въ цѣлости ваше тѣло, душу и духъ» (Хр. Чт., ч. XXXIII, стр. 124). Эти выписки изъ наставленій Антонія даютъ намъ понятіе какъ объ общемъ характерѣ его міровоззрѣнія, такъ и о манерѣ его наставительной рѣчи.

Вѣнецъ наставленій Антонія составляетъ его *ученіе практическое*, касающееся непосредственно вѣшной общественной и гражданской жизни, ему современной. Его сужденія этого рода проистекають изъ его высшаго понятія о достоинствѣ человѣческой природы и личности, о призваніи и назначеніи людей. «Дѣти мои возлюбленные, удаляйтесь неправосудія, не угнетайте слабыхъ и не сообщайтесь съ притѣснителями невинныхъ. Убѣгайте человѣка, любящаго принимать подарки, или отдавать деньги въ ростъ» (Слово къ монахамъ 12. о стыдѣ, Хр. Чт., 1825, XX, стр. 313). «Не стыдитесь оказывать вспоможеніе престарѣлымъ, вдовамъ, принимайте къ себѣ бѣдныхъ, которые не имѣють помѣщенія. Не бойтесь человѣка богатаго и сильнаго преданнаго нечестію». «Вы знаете, что враги благочестія всегда противятся распространенію истины и стараются истребить ее. Но Богъ всегда отъ начала міра доселѣ употреблялъ попеченіе о спасеніи человѣка и будетъ пещись до скончанія міра. Итакъ, кто всѣмъ сердцемъ желаетъ обратиться къ Богу, того самъ Богъ научить, какимъ образомъ онъ долженъ служить ему» (Хр. Чтен. 1826, XXII, стр. 60). «Имѣя власть, не вдругъ отваживайся угрожать кому-либо смертію, но знай, что и самъ ты по естеству подверженъ старости» (Хр. Чт. 1821, I, 267). Любовь Антонія къ людямъ, угнетаемымъ притѣсненіями, была такъ ве-

лика. что оставляя свое уединеніе и появляясь нѣсколько разъ въ городахъ, онъ «ходатайствовалъ за обиженныхъ съ такою силою, что можно было подумать, что терпитъ обиду самъ онъ, а не кто другой». говоритъ св. Аѳанасій ¹⁾. Отвѣчая на посланіе къ нему императора Константина, похваливъ его благочестіе, Антоній вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ему совѣтъ не высоко цѣнить настоящее, помнить о будущемъ судѣ, о томъ, что Иисусъ Христосъ есть единый, истинный и вѣчный царь; быть челоуѣколюбивымъ, заботиться о правдѣ и о нищихъ ²⁾. Подобныя же наставленія онъ давалъ и другимъ лицамъ, облеченнымъ властію, подвергавшимъ произволу и притѣсненіямъ на судѣ, при исполненіи общественныхъ повинностей и т. д.; онъ обличаетъ жестокихъ начальниковъ, ходатайствуетъ предъ городскими властями ³⁾. «Мы должны служить Богу и служенію ему не предпочитать служеніе людямъ, потому что лучше надѣяться на Господа, нежели на челоуѣка» ⁴⁾.

Изъ этихъ наставленій св. Антонія легко понять, почему проникнутый смиреніемъ, но чуждый равно и униженія и лести, исполненный уваженія къ достоинству природы и личности челоуѣческой, Антоній, всѣми благоговѣнно чтимый, былъ особенно любимъ народомъ, въ средѣ котораго его наставленія и имѣли особую дѣйственность не только между христіанами, но и язычниками, называвшими его Божиимъ челоуѣкомъ и ради его проповѣди нерѣдко обращавшимися ко Христу.

2.

Авва Исаія.

Св. Исаія былъ современникъ св. Аѳанасія Александрійскаго (+ ок. 380—390 гг.), которому былъ извѣстенъ лично. Изъ сочиненій его видно, что онъ настоятельно стоялъ въ одномъ

1) Жизнь св. Антонія § 87.

2) Жизнь § 81.

3) Созоменъ Ц. II. кн. 1, гл. 13.

4) *Germ.* IX.

монастырѣ въ «скитской пустынѣ», что на югъ отъ пустыни Нитрійской, гдѣ ходить можно было только по указанію звѣздъ ¹⁾. Преосв. Филаретъ считаетъ его за одно лицо съ тѣмъ Исаіей, о которомъ говорятъ съ особенною похвалою Руфинъ и Палладій, но нѣкоторые въ этомъ сомнѣваются

Съ именемъ аввы Исаіи извѣстны нынѣ слѣдующія сочиненія. 1, двадцать девять словъ (orationes), изданныхъ въ латинскомъ, неумѣломъ, небрежномъ и неточномъ, съ частыми пропусками и, иногда, произвольными вставками ²⁾, переводѣ съ греческой рукописи въ 1574 г.; 2, «шестьдесятъ восемь правилъ для новоначальныхъ иноковъ» изданныхъ впервые Бенедиктомъ Аніанскимъ (codex regularum Golstenianus. ed. s. Benedictus Anianensis); 3, «девятнадцать главъ аскетиче-

¹⁾ Указаніе на это находится въ письмѣ епископа Аммона къ Александрійскому епископу Теофілу (Христ. Чтеніе 1827 г. т. XXVI, стр. 63). Подлинный текстъ этого посланія—въ acta sanctorum, III (Mai), p. 357, § XXIV, также у *Миня* Patrolog. c. compl. ser. lat. t. CIII. Кромѣ того свѣдѣнія объ Исаіѣ содержатся: въ Лавсакѣ *Палладія*, гл. XV и XVI, у *Руфина* (vitae patrum, lib. II, cap. 10) у *Іоанна* патриарха Антиохійскаго, который упоминаетъ о «книгѣ св. Исаіи», у монаха *Никифора* въ «книгѣ о храненіи сердца» *Possin*, Thesaurus asceticus, p. 417); упоминають о немъ также св. Іоаннъ *Дамаскинъ*, (въ «параллеляхъ»), *Григорій Синаитъ* и др. Въ «Патерикѣ скитскомъ» и «Прологѣ» (подъ 27 февраля) напечатана повѣсть объ искушеніи, постигшемъ Елисея, ученика аввы Исаіи, содержащая нѣкоторыя свѣдѣнія и объ Исаіи. Въ сочиненіяхъ самаго Исаіи указаніемъ для опредѣленія времени его жизни служатъ слѣдующія слова: «въ наши дни постигаетъ землю гнѣвъ Божій,—не смущайтесь, если услышите что-либо странное». Въ нихъ видятъ указаніе то на войны, предшествовавшія единодержавію Импер. Константина, то на арианскія смуты. На бѣды отъ арианства для церкви есть и особыя указанія въ сочиненіяхъ Исаіи. Изъ позднѣйшихъ писателей объ Исаіи см. *Tillemont* memor. ecclesiast. tt. VII и VIII, *Cotelerius* monum. ecclesiast. graec. t. I, p. 801, 808, 809, *Fabricius* biblioth. graeca, t. VIII, p. 363, *Gallandi* bibl. patrum, t. VIII, proleg. c. IV. Изданія его сочиненій:—ed. Petr. Franc. *Zinus* Veronesis, ex cod. graeco primum latine vertit. Venet. 1574. Это изданіе перепечатано въ bibliotheca maxima, lugd. t. II.—*Gallandi* biblioth. patrum t. VII. p. 279 sq. *Migne* patrol. cursus completus t. XL, и ser. lat. t. CIII. Въ русскомъ переводѣ имѣются: «19 главъ» (Христ. Чтеніе 1832 г. ч. XLV) 12 «словъ» (Хр. Чтеніе 1831 и 1847 гг.). Отдѣльное изданіе «духовно-нравственныхъ словъ аввы Исаіи» сдѣлано Оптиной пустыней въ 1860 г. (переводъ Пасія Величовскаго съ греческаго текста, въ послѣдствіи утраченнаго). Этотъ переводъ представляетъ не мало варианта съ латинскимъ текстомъ.

²⁾ См. *Paniel*, Geschichte der christlichen Beredsamkeit—стр. 387, § 122.

скихъ» (*κεφαλαία περί ἀσκήσεως καὶ ἡσυχίας*) изданныхъ въ первые въ Парижѣ Петромъ Поссиномъ, составляющихъ по словамъ Галланди, и, въ слѣдъ за нимъ, преосв. Филарета ¹⁾, извлеченіе и сокращеніе изъ «словъ» Исаіи; 4, «изрѣченія св. женъ», записанныя аввой Исаіей для св. Θεодоры, извѣстныя по русскому переводу, напечатанному въ «Воскресномъ Читаніи» 1856—1858 гг.

Затрудняются опредѣлить съ точностію, на какомъ языкѣ написаны сочиненія св. Исаіи. То обстоятельство, что первый издатель его нѣкоторыхъ сочиненій нашелъ ихъ на греческомъ языкѣ, заставляетъ нѣкоторыхъ ²⁾ предполагать, что на этомъ именно языкѣ сказаны и записаны поученія Исаіи; но конечно, могло быть, что рукопись, въ которой эти сочиненія въ первый разъ найдены, представляла не подлинникъ, а переводъ же (греческій), и въ такомъ случаѣ очень возможно, что первоначальный языкъ сочиненій Исаіи былъ мѣстный египетскій или сирскій, на которомъ сказаны, дѣйствительно, судя по указаніямъ, нѣкоторыя поученія Исаіей.

Изъ «словъ» Исаіи три представляютъ наставленія св. аввы не въ собственной его рѣчи, а въ пересказѣ кого-то другаго. вѣроятно его ученика, аввы Петра,—именно *слово VIII* (*oratio VIII s. Jsaii, apothegmata*—шесть наставленій), начинающееся словами: «видѣлъ я нѣкогда, *сказалъ авва Исаія...* (*inquit abbas Jsaias*),—*слово XXI* (*de poenitentia*—о покаяніи), начинающееся словами: спрашивали у аввы Исаіи (*quaesitum est ex abbate Jsaiia*) и слово XXVI, озаглавленное: блаж. Исаіи рѣченія, которыя принялъ отъ него авва Петръ (*beat. Jsaiiae dicta, quae Petrus abbas ex illo asserit...*)». Относительно написанія остальныхъ поученій самимъ Исаіей находится свидѣтельство въ его пятомъ словѣ: «я принужденъ *написать вамъ это*, ибо написаннаго прежде не было достаточно» ³⁾. «Слово»

¹⁾ *Migne, patrol. c. s. s. greca t. XL, col. 1104.* Предположеніе Галланди подтверждается сличеніемъ нѣкоторыхъ «словъ» съ «правилами». См. *Миня t. XL, col. 1125, 1139, 1149* и др.

²⁾ Paniel, loco citato.

³⁾ По изд. Оптиной пустыни стр. 67.

XXV есть не что иное, какъ письменный отвѣтъ Исаи на письменный же вопросъ аввы Петра, и представляетъ самое обширное по объему сочиненіе Исаи (въ двадцати четырехъ «главахъ») ¹⁾. Остальные двадцать пять словъ Исаи суть настоящія проповѣди во всѣхъ отношеніяхъ (съ обычными въ проповѣдяхъ: и обращеніемъ «братія», заключительнымъ славословіемъ, оканчивающимся словомъ аминь ²⁾). Сказаны эти проповѣди, всѣ безъ исключенія, среди монаховъ: одни изъ нихъ содержатъ въ себѣ преимущественно наставленіе относительно внѣшняго поведенія *иноковъ*, говорятъ о томъ, какъ они должны держать себя внутри и внѣ келій, въ путешествіи, въ обществѣ своихъ собратій, на молитвѣ и церковномъ пѣніи, въ отношеніи къ старшимъ себя и во всякомъ другомъ отношеніи, причемъ каждое наставленіе сопровождается указаніемъ его нравственнаго мотива, тѣхъ благихъ цѣлей, ради которыхъ устанавливается каждое правило. Въ этихъ наставленіяхъ много сходнаго съ LXVIII «правилами» и XIX «главами» Исаи.—Другія, хотя также содержатъ въ себѣ много наставленій, относящихся спеціально къ инокамъ, но преимущественно имѣютъ предметомъ ученіе *общехристіанское*, въ самой малой степени элементарно-догматическое, главнымъ же

¹⁾ Migne, patrol. c. c. t. XL, col. 1174—1191.

²⁾ Обычнаго обращенія «братія» нѣтъ лишь въ словахъ I-мъ (наставленіе братіи, съ нимъ вмѣстѣ жившей), III-мъ (наставленіе къ младшей братіи), XXIII-мъ (о совершенствѣ) и XXVI-мъ (наставленіе аввѣ Петру). Заключительныя славословія тѣже, каковы обычны были вообще у проповѣдниковъ IV вѣка: «quoniam ejus est potentia et auxilium et imperium in saecula saeculorum (orat. II, IV, V, VI, Migne, t. XL, col. 1108). Или: Deo Patri et Filio et Spiritui sancto gloria et honor, et adoratio, nunc, semper et in saecula saeculorum (orat. VII, VIII, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVIII). Въ *orationes* XVII, XIX, XXI, XXIV, XXVIII, XXIX находится болѣе краткая форма славословія. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ единственномъ словѣ Исаи, сохранившемся не только въ латинскомъ переводѣ, но и въ греческомъ текстѣ (oratio XX), имѣющееся въ латинскомъ славословіи не находится въ греческомъ (Migne t. XL, col. 1157—1158). Значитъ-ли это, что Іоаннъ Дамаскинъ, въ «параллеляхъ» котораго сохранился этотъ греческій текстъ, привелъ этотъ текстъ не въ полномъ составѣ, безъ славословія (въ немъ нѣтъ также начальной фразы слова: quid est humilitas), или предположить, что латинскій переводчикъ отъ себя прибавилъ къ «слову» столь обычное въ латинской проповѣди окончаніе: in saecula saeculorum?

образомъ практически-нравоучительное, и отнюдь не созерцательно-отвлеченное. въ чемъ и состоитъ отличіе его словъ отъ словъ Макарія Великаго и Марка Подвижника, которымъ онъ уступаетъ лишь въ глубинѣ и возвышенности мысли. но отнюдь не въ силѣ одушевленія, задушевности и энергіи чувства. Здѣсь онъ говоритъ то о добродѣтеляхъ вообще. (слово VII), точно также какъ и о недугахъ души вообще же (слово XIX), то о тѣхъ или другихъ добродѣтеляхъ и порокахъ въ отдѣльности, обнимая болѣе или менѣе полно почти всю область душевныхъ состояній, страстей и пороковъ, сердечныхъ движеній и внутренней борьбы, представляя мысли вполне оригинальныя, добытыя собственнымъ изученіемъ слова Божія, наблюденіемъ и размышленіемъ.

Всѣ его разсужденія, хотя предлагаются въ видѣ краткихъ сентенцій, достаточно стройны и логически связны, и имѣютъ весь характеръ настоящихъ словъ или церковныхъ монологическихъ рѣчей, хотя чужды всякой дѣланности, вполне безыскусственны, выливаясь непосредственно изъ сердца. Изрѣдка можно замѣчать въ «словахъ» даже заранѣе намѣченный планъ и соотвѣтственную ему правильную структуру слова. Таково напримѣръ слово XXII—«о дѣлахъ новаго человѣка». въ началѣ котораго проповѣдникъ замѣчаетъ, что «тремя вещами отличаются Евреи отъ другихъ народовъ—обрѣзаніемъ, пасхою и субботою», и затѣмъ въ первой половинѣ слова объясняетъ въ примѣненіи къ нравоучительной цѣли сперва обрѣзаніе, потомъ пасху и затѣмъ субботу, связывая одну часть съ другою правильными переходами. Такъ переходя къ разсужденію о Пасхѣ, онъ замѣчаетъ: «теперь должно сказать о св. Пасхѣ», переходя отъ второй части и третьей—«за симъ должно сказать о субботѣ». Во всѣхъ остальныхъ словахъ обыкновенно можно наблюдать двѣ главныхъ составныхъ части: теоретическую и прикладную. Первая часть имѣетъ всегда характеръ сентенціонарный, т. е. состоитъ изъ ряда слѣдующихъ одно за другимъ изрѣченій, въ которыхъ содержатся правила и наставленія, рѣдко аргументируемая кратко-указываемымъ основаніемъ высказываемой мысли или словами св. Писанія, чаще лишь поясняемая сравненіями и примѣрами. Вторая часть

состоять изъ увѣщаній, обыкновенно исполненныхъ силы и энергія чувства и потому производящихъ сильное впечатлѣніе. Таковъ характеръ въ особенности имѣютъ два «плача» Исаи (сл. XIV и XXIX), состоящіе изъ ряда восклицаній, начинающихся словами: «горе мнѣ..., горе мнѣ...», въ которыхъ онъ оплакиваетъ какъ свои собственные грѣхи, такъ нравственные недуги челоѣчества вообще и въ частности нравственныя настроенія современныхъ ему людей, призывая всѣхъ къ покаянію и исправленію. Здѣсь религіозное чувство проповѣдника достигаетъ высшей степени напряженія и глубины. Такія самообличенія и самооплакиванія составляли кажется одну изъ типическихъ формъ проповѣди монастырской, подобную же форму проповѣди мы находимъ еще у Ефрема Сирина: очевидно, это былъ особый видъ проповѣдническаго такта или метода: особенно сильныя обличенія полагать въ формѣ обращенія къ самому себѣ, обличать и призывать къ исправленію другихъ въ своемъ лицѣ.

Любимую и весьма остроумно примѣняемую форму объясненія мыслей въ проповѣдяхъ Исаи составляютъ сравненія. Для образца приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. «Торговецъ, пріобрѣтая прибыль, радуется, не обращая вниманія на поднятые труды; женившійся веселъ сердцемъ, если жена его успокоиваетъ и себя ведетъ хорошо; воинъ, сражающійся за царя своего, презираетъ смерть для полученія вѣнца.... Если радуется исполняющій мірскія дѣла, когда видитъ успѣхъ, то какою радостію должна быть объята та душа, которая предала себя на служеніе Богу и тщательно исполняетъ это служеніе!» (стр. 138) ¹⁾. «Въ домъ, въ которомъ отверсты окна и двери, вползаютъ всякаго рода гады; сему подобенъ челоѣкъ, который трудится, но не хранитъ трудовъ своихъ». «Какъ ржа снѣдаетъ желѣзо, такъ честолюбіе снѣдаетъ сердце челоѣческое». «Какъ земледѣлецъ не можетъ быть увѣренъ въ благополучномъ собраніи плодовъ, пока они еще растутъ на нивѣ: такъ челоѣкъ не долженъ оставлять сердце свое безъ попе-

¹⁾ По изданію Оптиной пустыни.

ченія, доколѣ дыханіе въ нѣдрахъ его» (Іов. 27, 3), (стр. 347). «Какъ никто не можетъ однимъ глазомъ смотрѣть на небо, а другимъ — на землю, такъ и человѣкъ не можетъ совмѣстить въ себѣ попеченіе о Божественномъ и мірскомъ» (стр. 121). «Земля безъ сѣмени и воды не можетъ приносить плодовъ, такъ и человѣкъ не можетъ совершать покаянія безъ смиренномудрія и удрученія тѣла подвигами» (стр. 122). «Какъ плющъ, обвинившись вокругъ виноградной лозы, истребляетъ плоды ея; такъ тщеславіе истребляетъ плоды трудовъ монаха» (стр. 148). «Какъ дѣва, вставая рано утромъ, заботится о томъ, чтобы украсить себя для жениха своего, и глядясь въ зеркало, тщательно разсматриваетъ нѣтъ ли какого пятна на лицѣ. — могущаго произвестъ дурное впечатлѣніе: такъ и святые съ великимъ попеченіемъ ежедневно испытываютъ дѣла свои, слова и помыслы, чтобы не нашлось въ нихъ чего-либо негоднаго небесному Жениху души» (стр. 172). «Увидѣвъ змѣю, ехидну, скорпіона, или что другое, имѣющее смертоносный ядъ, мы въ страхѣ убѣгаемъ; а безразсудная и несчастная душа, видя смертоносные предметы, не убѣгаетъ, не удаляется, но смѣло обращается съ ними, увлекается ими» (стр. 232). «Душа подобна юной женѣ, живущей съ мужемъ, которая, если случится мужу ея уйти въ дальнюю сторону, отложивъ страхъ, начинаетъ небрежъ о домашнихъ дѣлахъ, а когда возвратится онъ въ домъ, отложивъ нерадѣнія, тщательно занимается своею обязанностію. Такъ и умъ, если возбудится къ должному вниманію, заботится о душѣ, постоянно охраняя ее, и какъ дѣтей раждаетъ отъ нея и воспитываетъ добрыя дѣла. Душа подчиняется уму, какъ жена мужу» (стр. 236). «Какъ птица не можетъ летать однимъ крыломъ, такъ и душа не можетъ имѣть преуспѣянія, если хотя одною стороною наклонится къ міру. Какъ корабль, не снабженный всѣмъ потребнымъ, не можетъ переплыть море: такъ и душа, имѣющая недостатокъ въ какой-либо добродѣтели, не можетъ переплыть волнъ страстей. Какъ морскіе водолазы, если будутъ одѣваться въ пышное платье и носить перчатки и обуви, не могутъ исполнять своего дѣла: такъ и душа не можетъ преодолѣть сопротивленіе мятежныхъ духовъ, если не будетъ обнажена отъ всѣхъ заботъ

и попеченій міра. Какъ воинъ не можетъ противостоятъ врагамъ, если не будетъ имѣть всего потребнаго оружія: такъ и чело-вѣкъ не въ состояніи сопротивляться порокамъ и страстямъ. если не будетъ облеченъ во всеоружіе добродѣтели» (стр. 254) Прекрасно въ посланіи къ аввѣ Петру изображеніе поведе-нія младенца въ отношеніи къ матери, съ которымъ пропо-вѣдникъ сравниваетъ процессъ духовнаго созрѣванія хри-стіанина (стр. 266—267). Такова же притча въ словѣ X о двухъ рабахъ (стр. 100—102). Св. Писаніемъ проповѣдникъ пользуется искусно и кстати. Нерѣдко текстъ служитъ исход-нымъ пунктомъ проповѣди, а одна проповѣдь (о зернѣ гор-чичномъ) представляетъ даже не что иное какъ краткую объяс-нительную гомилію. Привода мѣсто св. Писанія для выво-да изъ него правоучительныхъ наставленій, проповѣдникъ ши-роко пользуется аллегоріей по отношенію къ предметамъ не только ветхаго, но и новаго Завѣта, руководясь по-истинѣ прекраснымъ правиломъ, которое отнюдь не всѣ пропо-вѣдники IV в. знали и соблюдали. «Если открывается тебѣ таинственный смыслъ св. Писанія, такъ что ты можешь дѣ-лать изъ него иносказательное примѣненіе: то дѣлай сіе, только смотри, не уничтожай совершенно буквальнаго смысла и не вѣрь своему разуму больше, нежели Св. Писанію» (стр. 37). Такъ объясняя слова Осіи (V, II, VII, II) *соодомъ Ефремъ соперника своего, попра судъ: Египта моляше и со Ассиріаны отгидоша*— проповѣдникъ замѣчаетъ: взыскивать Египта значить желать исполнять волю плоти; насильно быть взятымъ Ассиріанами значить служить врагамъ волею или неволею (стр. 43). Въ аллегорическомъ смыслѣ проповѣдникъ объяс-няетъ всю исторію Іакова и Моисея (стр. 44—50). Рѣка Тигръ у Исаи означаетъ разсужденіе, Евфратъ—смиренно-мудрое, Лія—образъ тѣлесныхъ подвиговъ, Рахиль—истин-наго созерцанія, Амалікъ — означаетъ уныніе. Объясняя слова Евангелія: *слѣпії прозираютъ, хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются, глухіи слышатъ, мертвіи возстаютъ, нищии бла-говѣствуютъ* (Лук. 7, 22), проповѣдникъ находитъ, что подъ слѣпыми нужно разумѣть тѣхъ, кто всю надежду полагалъ на міръ сей, — прозрѣніе ихъ—устремленіе мысли къ жизни

будущей. Хромые — это тѣ, кто, повидимому, стремится къ Богу, но вмѣстѣ съ тѣмъ любить мѣръ и мудрованіе плоти. Глухъ тотъ, кто, предавшись суетнымъ заботамъ, нисколько не упражняется въ предметахъ Божественныхъ; когда оставивъ суетное, исполняетъ заповѣди Божіи, — начинаетъ слышать; кто враждуетъ противъ ближняго — тотъ прокаженъ и т. д. «Крещеніе (объ Іоаннѣ) есть умерщвленіе плоти подвигами»; фарисеи представляютъ образъ злобы и лицемѣрія, саддукеи — невѣрія и безнадежія. Подобныя правоучительныя наставленія проповѣдникъ чрезъ аллегорію выводитъ даже изъ обстоятельствъ жизни Іисуса Христа (стр. 112—115).

Приведемъ еще нѣсколько изрѣченій характеризующихъ міросозерцаніе проповѣдника. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что проповѣдникъ-аскетъ основываетъ свои нравственныя требованія на законахъ самой природы человѣка. «Всѣ занятія и попеченія будемъ взвѣшивать и подводить подъ правильную мѣру и образецъ природы». Есть желаніе свойственное *нашему естеству*, безъ котораго любовь къ Богу невозможна. По сему Даниилъ названъ мужемъ желаній. Это желаніе врагъ превратилъ въ страстныя похотѣнія, чтобы мы вождѣлѣвали всякія нечистоты. Есть въ умѣ ревность, *свойственная естеству*, безъ которой невозможно преуспѣяніе въ дѣлѣ Божіемъ. По сему и апостольскій сказалъ: ревнуйте дарованій большихъ. Но и сія божественная ревность уклонилась отъ своего естественнаго направленія въ такое, что мы стали возставать отъ ревности другъ противъ друга. Уму свойственъ гнѣвъ, *неуждый естеству*, — человѣкъ не будетъ имѣть чистоты, если не будетъ гнѣваться на всѣваемое въ насъ отъ врага (Числ. 25, 7—8). Этотъ гнѣвъ превратился въ насъ въ такое состояніе, что мы воспламеняемся имъ на ближнихъ за ничтожныя и бесполезныя вещи. Есть ненависть духа, *сообразная естеству*, которая побудила Ілію умертвить всѣхъ студныхъ пророковъ (3 Цар. 18, 40). Но мы ненавидимъ и презираемъ ближняго. и эта ненависть истребляетъ всѣ добродѣтели (стр. 7, 9). «Горе намъ, что мы тѣло свое, склонное ко грѣхамъ, къ нечистымъ вождѣлѣніямъ, возбуждаемъ множествомъ пищи и на-

слаженіями, содѣлываемся конями неистовыми отъ прикосновенія къ чужимъ тѣламъ, и не обращаемъ вниманія на достоинства разумной души нашей» (стр. 309). «Горе намъ, что мы судимъ о людяхъ не по добродѣтели, но по своему пристрастному мнѣнію; опредѣляемъ праведное и благое, разсуждаемъ объ иномъ пути, но весьма далеко отстоимъ отъ дѣлъ праведныхъ и благихъ» (— 311).

«Если встрѣтится что-либо, возбуждающее гнѣвъ противъ ближняго- -гнѣвайся на демоновъ, а съ ближними храни миръ (стр. 129). Тщетны молитвы человѣка, желающаго мщенія». «Остерегайся имѣть одно въ устахъ, другое — въ сердцахъ (стр. 287). Напрасно учить тотъ, у кого дѣла не соотвѣтствуютъ ученію (стр. 294). Никого не презирай за неприличные поступки (стр. 19). Да не дерзнетъ кто-либо учить другаго или приказывать» (стр. 54). «Не безпокойся ни о какомъ человѣкѣ, ни о какой либо вещи міра сего, — всегда изслѣдуй, какъ исправить себя» (стр. 1). «Не садитесь для бесѣды другъ съ другомъ даже о Божественныхъ предметахъ». «Не спорьте ни о какомъ предметѣ (стр. 3). Берегись разговаривать съ еретикомъ подъ предлогомъ защищенія вѣры. Нашедши книгу еретическую, берегись читать ее, чтобы она не наполнила сердца твоего смертоноснымъ ядомъ. но пребывай въ томъ ученіи, которому ты научился отъ церкви, не прибавляя къ оному и не убавляя (стр. 37). Если придетъ къ тебѣ странникъ... предложи ему книгу для чтенія (стр. 17). Если зайдетъ рѣчь о какомъ-либо мѣстѣ св. Писанія, то знающій это мѣсто пусть объяснитъ, по силѣ своей смиренно, не настаивая на своемъ мнѣніи, чтобы успокоить брата съ любовію (стр. 59). Изслѣдованіе писаній съ пытливостію приводитъ ко враждѣ и спору. Монаху вмѣняется въ грѣхъ, когда онъ вмѣсто разсматриванія и оплакиванія грѣховъ обращается къ пытливому изслѣдованію писаній (стр. 69). Читайте св. Писаніе, чтобы исполнять оное (стр. 67). Кто, читая слова Писанія, исполняетъ ихъ по своему разуму, и съ упорствомъ утверждаетъ, что именно такъ должно ихъ понимать какъ онъ, тотъ не знаетъ славы Божіей. Дарованія Божіи приходятъ сами собою. если найдутъ мѣсто чистымъ и несквернымъ (— 70).

Если находишься въ монастырѣ и имѣешь раба для послуженія себѣ, то симъ наносишь укоризну монашескому чину; если отдашь его для услуги брату, грѣшишь предъ Богомъ; или возврати его къ своимъ, или дай ему отпускную, чтобы онъ былъ освобожденъ» (стр. 33). «Я подобень птичкѣ, привязанной отрокомъ за ноги. Когда онъ ослабитъ немного нить, то птичка—вспархиваетъ, думая, что освободилась; но отрокъ потянетъ нить и опять низвергаетъ на землю». «Иногда вижу себя подобнымъ коню, блуждающему безъ всадника: кто найдетъ его, тотъ и садится на него. Когда же сей оставитъ коня, тогда схватываетъ его другой и равнымъ образомъ возсѣдаетъ на него» (стр. 83).

Для ближайшаго знакомства съ проповѣднической манерой св. Исаии приведемъ здѣсь два его поученія— «о зернѣ горчичномъ» и «о винѣ». «Великое таинство заключается въ маломъ зернѣ горчичномъ, какъ объясняютъ отцы и какъ о томъ въ наученіе наше написано: *Подобно есть царствіе небесное зерну горчичному, еже вземъ человекъ, всѣя на селѣ своемъ; еже малѣйшее бысть отъ всѣхъ сѣмянъ; егда же возрастетъ, больше всѣхъ зелей есть, и бываетъ древо, яко пріити птицамъ небеснымъ и витати въ вѣтвяхъ его* (Мѡ. 13, 31—32). Если это такъ, то прилично намъ подражать свойствамъ сего сѣмени. Когда Писаніе называетъ его самымъ меньшимъ изъ всѣхъ сѣмянъ, то этимъ показываетъ, что мы должны возлюбить смиренномудріе, считая себя ниже всякаго и имѣть кротость и долготерпѣніе. Его румяный цвѣтъ означаетъ стыдливость и цѣломудріе, чтобы мы не допускали въ плоти нашей ничего порочнаго. Его острая сила знаменуетъ ненависть къ страстямъ и суетамъ міра. А что сила его не иначе обнаруживается, какъ когда оно будетъ истолчено и истерто, этимъ показывается, что добродѣтель не принесетъ никакой пользы, если въ воздѣлываніи ея не понесемъ труда и скорби. Оно способствуетъ также для сбереженія мясъ, чтобы онѣ не портились. И такъ этимъ сѣменемъ, подобнымъ царствію небесному, которое есть Христось, осыпдемъ разслабленныя и умершія наши воли, чтобы онѣ не возсмердѣли и не производили въ себѣ червей. Ибо Господь Исусъ для того содѣлался

человѣкомъ, чтобы мы подражали Ему по мѣрѣ силъ нашихъ, были свободны отъ заботъ и не развлекались попеченіями суетнаго міра. По образу сего сѣмени будемъ разсматривать себя: подобны ли мы Ему смиреніемъ сердца, кротостію души, горячностію любви? Самъ же Господь Иисусъ да укрѣпитъ насъ милосердіемъ своимъ въ исполненіи Его воли: ибо— Его слава и царство во вѣки вѣковъ. Аминь» .

2. «Таинство вина по отношенію къ естеству человѣческому такъ понимается. Мы должны сохранить сердце наше непорочнымъ во всякой святинѣ, если желаемъ, чтобы Богъ обиталъ въ немъ съ веселіемъ. Бочка, если не будетъ вся хорошо вымазана смолою, и имѣетъ хотя малыя скважины, вина содержать не можетъ. Такъ и сердце, если не будетъ ограждено смиреніемъ, и цѣломудріемъ, и не будетъ чуждо другихъ пороковъ, не можетъ быть жилищемъ Божиимъ. Ибо невозможно служить вмѣстѣ и Богу и страстямъ. —Будемъ тщательно остерегаться, чтобы не было въ сердцѣ нашемъ вражды и ненависти, ибо оныя удаляютъ человѣка отъ истиннаго положенія и благоугожденія Богу. Въ винѣ первоначально бываетъ броженіе; такъ и въ юности. Въ винѣ мало по-малу прекращается броженіе, и потомъ оно устаетъ, когда кладется въ него закваска; такъ и юношескій возрастъ по времени укрощается и приобретаетъ твердость и постоянство, когда оный, оставляя свою волю, окормляется ученіемъ отцовъ и повинуется ихъ наставленіямъ. Вино, прежде нежели устоитъ, не вносится въ келлію для употребленія: такъ не допускается въ общество другихъ тотъ, коего постоянство не испытано различными средствами. Если вино оставлено будетъ съ виноградными выжимками, то окисаетъ; такъ и юный (инокъ), если начнетъ обращаться съ родственниками по плоти или съ противомыслящими, легко нарушаетъ заповѣди, преданныя отцами, и повреждаетъ добрую нравственность. Вино портится, если не будетъ сокрыто въ мѣстахъ глубокихъ подземныхъ; такъ и всѣ труды юности суетны, если не охраняются смиреніемъ. Вино, которое часто трогаютъ и отвѣдываютъ портится: такъ и человѣкъ, который обнаруживаетъ дѣла свои, губить трудъ свой тщеславіемъ. Если отверстіе бочки остается

открытымъ, то въ нее набираются мошки и комары и портятъ вино: подобно и для души бываетъ вредъ отъ многословія. отъ разговоровъ смѣхотворныхъ и пустыхъ. Вино, выставленное на вѣтеръ, теряетъ свою доброту; такъ и гордость губить трудъ человѣка. Вино устаивается и получаетъ крѣпость, будучи сокрыто въ мѣстѣ, для того приличномъ. Такъ и тотъ, кто воздѣлываетъ добродѣтель, долженъ пребывать въ безмолвіи, не считая себя за нѣчто ни въ какомъ случаѣ. Все сіе наблюдается относительно вина, дабы оно могло нравиться; все сіе долженъ соблюдать по отношенію къ духовной жизни каждый, желающій благоугодить Богу. Далѣе, какъ нельзя удостовѣриться въ добротѣ вина, каково оно, не отвѣдавъ его: такъ и человѣкъ не долженъ довѣрять самому себѣ, но пребывать въ страхѣ Божиемъ, доколѣ не предстанетъ предъ Бога. Который оцѣнитъ всѣ дѣла его. Когда въ бочкѣ находится хотя малая скважина, то вино вытекаетъ прежде, чѣмъ господинъ о томъ узнаетъ, если онъ небреженъ; такъ и пренебреженіе самой малой повидимому вещи губить плодъ трудовъ нерадиваго человѣка. —И такъ, братія, тщательно будемъ блюстись отъ всего, что можетъ вредить намъ, чтобы Богъ излилъ на насъ Свою милость и благодать въ день суда; а это Господь исполнить непременно, если сохранимъ Его заповѣди по мѣрѣ слабыхъ силъ нашихъ. Но, Господи, Тебѣ принадлежитъ всемогущество, и милосердіе, и помощь, и покровъ, и прощеніе, и долготерпѣніе. Ибо кто я, исполненный золь, отъ коихъ Ты меня свободилъ? Я ничего не имѣю, чѣмъ бы могъ Тебѣ воздать. Грѣшникъ я, недостойный ни единого изъ Твоихъ дарованій. Ты исхитилъ меня изъ руки враговъ моихъ, Ты Господь мой и Богъ мой! Тебѣ принадлежитъ слава, милосердіе, защита, помощь и царство во вѣки вѣковъ. Аминь » .

Другія слова Исаи большею частію значительно бдльшаго объема; но и они представляютъ не что иное, какъ рядъ изрѣченій, рѣдко аргументируемыхъ апріорическими соображеніями, главнымъ же образомъ лишь поясняемыхъ сравненіями, заимствованными изъ природы и жизни мірской.

Н. Барсовъ.

(Продолженіе будетъ).

О Ч Е Р К И

ИЗЪ

ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ.

Представители нравственно-аскетическаго типа проповѣди на Востокѣ

ВЪ IV ВѢКѢ.

(Продолженіе *).

Св. Макарій Великій ¹⁾.

Онъ былъ сынъ пастуха (род. въ 301 г. близъ Оивъ въ Египтѣ) и въ дѣтствѣ самъ пасъ стада. Съ малолѣтства преданный уединенію, благочестивымъ размышленіямъ и воздержанію, онъ въ молодыхъ годахъ покинулъ міръ и жилъ сначала

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 8.

¹⁾ Свѣдѣнія о немъ первоначальныя: у блж. *Иеронима*—въ посланіи къ Евстахію (по русск. изд. твор. Иерон. т. I), *Руфина* (histor. ecclesiast. lib. II cap. IV, et VIII), *Палладія* (Лавсаикъ гл. 19 и 23), *Сократа* (Церк. Исторія кн. IV, гл. 23 и 24, по русск. изд. стр. 354, 362), *Созомена* (Церк. Истор. кн. III, гл. 14, VI, 20 по русск. изд. стр. 191 и слѣд. 413 и сл.), *Теодорита* (Церк. Ист. IV, 21, по русск. изд. стр. 272), *Еваарія* (capita practica ad Anatolium, — cap. LXVI, XCIII, XCIV, см. у Котельера eccles. graecae monum. t. III, p. 88 sq. 99—100); Изъ позднѣйшихъ патрологовъ и писателей: *Du-Pin*, biblioth. des auteurs ecclesiast. t. II, pag. 69 sq; *Tillemont*—memoir. t. VIII, p. 243 sq. p. 264 sq., p. 357 sq; *Fabricius* bibl. graeca, VIII, p. 491 sq., *Cave* hist. litter. ed. Oton. t. I, p. 256, *Oudin* script. eccles. t. I, p. 474; *Pratii*, praefatio ad. Macarii opuscula; *Sam. Samleri* dissertationes duae descriptis S. Macarii (у Мниа); *Gallandi* bibl. Patrum t. VII, prolegomena c. 1, *Cothelerii* monumenta graecae eccles. t. I, *Ros-*

въ уединенной келіи близъ своего села, занимаясь псалмопѣніемъ, Богомысліемъ и молитвою, добывая себѣ пропитаніе плетеніемъ корзины, которыя одинъ изъ бывшихъ его односельчанъ продавалъ на рынкѣ, на вырученные деньги покупая ему необходимое. Узнавъ о его подвигахъ, жители селенія избрали—было его въ клирики своего храма; но онъ скоро оставилъ эту должность и ушелъ въ болѣе уединенное мѣсто, а со временемъ, на тридцатомъ году жизни, поселился въ такъ называемой «скитской» пустынѣ, самой отдаленной отъ населенныхъ мѣстъ Египта, представлявшей, по словамъ Руфина, «море песчаное, гдѣ ходить можно было только по указанію звѣздъ». Дотолѣ обитаемая только звѣрями, со времени прибытія въ нее Макарія, она стала быстро населяться отшельниками. Своими подвигами и духовною мудростію Макарій стяжалъ себѣ здѣсь между отшельниками особенное уваженіе и любовь и на сороковомъ году жизни сдѣлался пресвитеромъ и главою всѣхъ собравшихся въ этомъ мѣстѣ монаховъ. Безмолвіе, всегдашнее самоуглубленіе, кротость и сосредоточенность духа—за которыя, по словамъ Палладія, его прозвали «отрокъ-старецъ» (*παῖδαροῦτέρον*)—были отличительныя черты его характера. Церковныя историки—Сократъ, Созоменъ, Палладій, Кассіодоръ. Руфинъ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ рассказываютъ о святости и высо-

wed, Veter. Patr. lib. 3, *P. Possini*—Thesaurus asceticus 1684 г. *Assmanni*, bibl. orientalis t. III, p. 34, *Maii* collect. veter. auctorum, t. IV, p. 191—192 (Romae, 1835). *Schreck* Kirchengeschichte, theil VIII; *Izchirneri* opuscula academica, Lipsiae 1829, p. 246—252; *Henr. Floss* de ss. Macariorum vitis quaestiones criticae et historicae (у Миня); «Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцовъ», Москва, 1845, стр. 30, 36, 150, 153. II. С. *Казанскаго* «Св. Макарій Египетскій (въ Прибавл. къ твор. св. отцовъ, въ русск. перев., 1845 г., III, стр. 105). Г. П. *Павскаго* статья о св. Макарій въ Христ. Чтеніи 1821 г. Изданія сочиненій Макарія:—ed. *Morelli*, Paris 1559,—ed. *Zachi Palthenii*, graece, et latine, Franctort, 1594 и 1604; *S. Macarii Aegyptii homiliae atque opuscula*, ed. a *G. Pritio*, Lips. 1699 и 1714; *Gallandi* bibl. veter. Patrum t. VII; *S. Macarii Aegyptii epistolae et quaedam alia cum curis criticis* ed. *H. Floss*, Coloniae 1850 г. *Migne* patrologiae s. c. ser. graeca t. XXXIV. На русскомъ языкѣ: въ Христіанскомъ Чтеніи переведено (Г. П. Павскимъ) четыре слова и тридцать пять бесѣдъ — за 1821, 1825, 1827, 1829, 1834—37, 1846 гг. Особою книгою на русскомъ языкѣ творенія Макарія изданы въ Москвѣ въ 1820 г. и вновь въ 1853 г. (Московскою Академіей).

тѣ его аскетической жизни. равно какъ о чрезвычайныхъ благодатныхъ дарованіяхъ, которыми онъ обладалъ—дары прозорливости и чудотвореній. По выраженію Сократа онъ исцѣлилъ столькихъ больныхъ и столь многихъ освободилъ отъ власти злыхъ духовъ, что для описанія всѣхъ его чудесъ потребна цѣлая книга. Во время аріанскаго гоненія на православныхъ при Валентѣ онъ, вмѣстѣ съ Макаріемъ Александрійскимъ, былъ сосланъ на одинъ изъ острововъ Нила, гдѣ между жителями не было ни одного христіанина: исцѣливъ молитвою дочь мѣстнаго языческаго жреца, онъ обратилъ всѣхъ жителей острова ко Христу и вскорѣ послѣ того былъ возвращенъ въ свою обитель, гдѣ скончался въ 391 году, пробывъ въ непрерывныхъ аскетическихъ подвигахъ шестьдесятъ лѣтъ.

Подъ именемъ св. Макарія Египетскаго извѣстны слѣдующія сочиненія: 1) изданныя въ разное время пятьдесятъ «духовныхъ бесѣдъ» (*ὁμιλίαι πνευματικαί*), семь «словъ» (*λόγοι*, libri), два посланія—краткое (сохранившееся лишь въ латинскихъ переводахъ) и обширное (въ греческомъ текстѣ) и одна «молитва» (*ἐυχὴ*); 2) существующія доселѣ лишь въ рукописяхъ и не изданныя восемнадцать «бесѣдъ», изъ которыхъ одиннадцать въ арабскомъ переводѣ (въ одной изъ рукописей Ватиканской бібліотеки) и семь на греческомъ языкѣ; 3) изданныя въ разное время сохранившіяся въ записяхъ разныхъ лицъ (преимущественно Палладія и Руфина) многочисленныя «краткія изрѣченія» (*apophigmata*) ¹⁾. Въ XVII столѣтіи возникло сомнѣніе въ принадлежности св. Макарію то всѣхъ, то нѣкоторыхъ исчисленныхъ его сочиненій, на томъ основаніи, что ни Сократъ, ни Иеронимъ, ни Геннадій, упоминая о жизни Макарія, ни единымъ словомъ не упоминаютъ о сочиненіяхъ его, а также принимая во вниманіе то обстоятельство, что въ сочиненіяхъ приписываемыхъ Макарію ученіе о благодати Божіей и о ея отношеніи къ свободѣ чловѣка раскрыто съ такою спеціальностію и подробностію, ко-

¹⁾ Apophigmata собраны у Мниа *patrologiae c. c. ser. graeca t. XXXIV*. См. о прочихъ преосв. Филарета «историч. ученіе объ отцахъ Церкви». 1859, ч. II, § 162.

торыя могли имѣть мѣсто лишь въ періодѣ Пелагианскихъ споровъ. что-де будто бы ясно указываетъ въ авторѣ этихъ сочиненій современника этихъ споровъ ¹⁾. Въ настоящее время принадлежность Макарію всѣхъ исчисленныхъ выше его сочиненій стоитъ въ наукѣ выше всякаго сомнѣнія. Во-первыхъ, то тѣ, то другія изъ этихъ сочиненій, въ древнихъ кодексахъ—арабскихъ, вирскихъ, греческихъ—значатся съ именемъ Макарія Египетскаго, который и по другимъ историческимъ указаніямъ извѣстенъ былъ въ древности какъ духовный писатель. Такъ Исаакъ Сиринъ говоритъ о Макаріи, какъ «писавшемъ съ великою прозорливостію» и приводитъ мѣсто изъ его твореній (изъ слова «объ истинномъ вѣденіи и объ искушеніяхъ»); Ома Мергскій (IX в.) въ «исторіи монаховъ» также приводитъ мѣста изъ его твореній; Іоаннъ, патріархъ Антиохійскій, (XI в.) упоминаетъ о его «книгахъ». Во-вторыхъ, доказательства принадлежности Макарію приписываемыхъ ему сочиненій находятся въ самыхъ этихъ сочиненіяхъ. Такъ въ бесѣдѣ XXVII, §§ 15—16 авторъ ея представляется современникомъ мучениковъ (что можетъ означать время Діоклитіанова гоненія, когда уже жилъ Макарій); въ бесѣдѣ XVI, § 1 авторъ упоминаетъ о еретикахъ, утверждавшихъ, что матерія не имѣетъ начала, что она есть сила, равная силѣ Божіей и корень всѣхъ вещей; въ бесѣдѣ XLVI § 1 упоминается о еретикахъ, которые говорятъ, что человекъ совсѣмъ умеръ и никакъ не можетъ сдѣлать что либо благое. Эти упоминанія о ересьяхъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, очевидно, указываютъ на время до-Никейскаго собора, какъ время жизни автора сочиненій или непосредственно ему предшествующее. Въ третьихъ, содержаніе всѣхъ исчисленныхъ сочиненій, приписываемыхъ Макарію, вполне соотвѣтствуетъ тому міросозерцанію, которое было господствующимъ между египетскими отшельниками въ IV вѣкѣ; нерѣдко въ бесѣдахъ рѣчь обра-

¹⁾ Нѣкто *Petitdidierius*, въ *remarques* на изданіе Дюлена (см. Мина, t. XXXIV col. 402). Позже въ подлинности сочиненій Макарія сомнѣвались *Селме* — въ *histoire generale des auteurs ecclesiastiques*, *Уденъ*—въ *commentarii de scriptor ecclesiast.* t. I, p. 475 и др.

цена прямо къ этимъ отшельникамъ. Наконецъ на принадлежность этихъ сочиненій великому аввѣ Макарію указываетъ та свобода, съ какою ведется въ ней разсужденіе о предметахъ христіанскаго ученія, — свобода, съ одной стороны несомнѣнно свойственная болѣе или менѣе всѣмъ отцамъ Церкви до-Никейскаго времени (напримѣръ Діонисію Великому), когда еще не было общеобязательныхъ для всей Церкви формулъ ученія Христіанскаго — символовъ и вѣроизложеній соборныхъ, канонически ограничившихъ эту свободу въ IV вѣкѣ, — съ другой стороны исполнѣ естественная въ устахъ великаго аввы, который, стоя вдали отъ общаго хода церковной мысли и жизни, износитъ свое религіозное разумѣніе и разсужденіе непосредственно изъ глубинъ собственнаго личнаго Богомудраго и Богопросвѣщеннаго разума. Большею частію та или другая истина въ его ученіи выясняется методомъ исполнѣ аналитическимъ, являясь въ началѣ рѣчи какъ неизвѣстное искомое, что именно указываетъ на эпоху, когда отсутствовали еще ограничительныя постановленія относительно предѣловъ личнаго богословствованія вѣрующаго.

Св. Макарій, несомнѣнно, не получилъ никакого методическаго образованія — школьнаго: всю жизнь свою онъ провелъ въ пустынѣ, вдали отъ тогдашнихъ центровъ образованія. Тѣмъ не менѣе въ его сочиненіяхъ видно несомнѣнное и отнюдь не поверхностное знакомство съ наукой и литературой его времени. Онъ упоминаетъ о мнѣніяхъ мірскихъ мудрецовъ вообще и критикуетъ ихъ (напримѣръ въ бесѣдѣ XIV. § 7), о Сократѣ, Платонѣ и Аристотелѣ, къ которымъ относится съ уваженіемъ, сравнивая ихъ съ большими городами (бес. XLII, стр. 367 по изд. Оптиной пустыни), говоритъ о грамматикахъ, риторахъ, софистахъ, витіяхъ, стихотворцахъ, о принятыхъ въ наукѣ правилахъ написанія исторіи о художникахъ, о горномъ промыслѣ (бес. XLV, § 2). Не чуждъ онъ также знаній космологическихъ (бес. XIV, 6—7). Множество сравненій изъ жизни природы, изъ области искусства, общежитія и гражданственности свидѣтельствуютъ о знакомствѣ его съ науками естественными, съ условіями жизни общественной, съ учрежденіями жизни гражданской и поли-

тической. Сочиненія его дошли до насъ на греческомъ языкѣ, и если они на этомъ языкѣ имъ самимъ написаны, то это служитъ доказательствомъ его образованности. Изучая подлинный греческій текстъ его твореній, мы даже встрѣчаемся съ вещію, по-истинѣ изумительною, доказывающею не только полное знакомство его съ психологіей великихъ греческихъ философовъ, но и воздѣйствіе этой психологіи на его христіанскую психологію. Еще со времени св. ап. Павла эта послѣдняя, говоря о природѣ человѣка, находила въ ней тройственный составъ: тѣло, душа, духъ (σῶμα, ψυχή, πνεῦμα). Макарій, принимая ту же тройственность состава человѣческой природы, ставилъ, однако, для обозначенія высшей стороны человѣческой природы на мѣсто πνεῦμα апостола Павла δαίμων, заимствуя, очевидно, этотъ терминъ, а можетъ быть и самое понятіе, имъ выражаемое, отъ Сократа и въ своей своеобразной психологіи развивающаго это понятіе совершенно самобытно. Смыслъ его ученія о δαίμωνъ будетъ намъ ясенъ при нижеслѣдующемъ изложеніи ¹⁾. Здѣсь достаточно отмѣтить это обстоятельство, какъ доказательство несомнѣнно высокаго его философскаго развитія, составляющаго отчасти плодъ его самообразованія (изученія наукъ чрезъ чтеніе сочиненій), отчасти результатъ пребыванія въ египетскихъ монастыряхъ многихъ пришедшихъ туда изъ міра, между прочимъ - изъ Александріи, христіанскихъ ученыхъ (ваковъ былъ напримѣръ Макарій Александрійскій, въ продолженіе десяти лѣтъ стоявшій во главѣ знаменитаго Александрійскаго огласительнаго училища), отчасти какъ плодъ непосредственнаго общенія съ языческими философами, приходившими къ нему спеціально для знакомства и препирательства съ своеобразнымъ христіанскимъ мышленіемъ.

¹⁾ При чтеніи прекрасной диссертациі іеромонаха Антонія («психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравственной отвѣтственности». Спб. 1888 г.) мы отъ души пожалѣли, что авторъ ни однимъ словомъ не коснулся разсужденій о томъ же предметѣ перваго, по нашему мнѣнію, христіанскаго психолога, отмѣчающаго, послѣ ученія Св. Писанія, новую эру въ развитіи психологіи *христіанской*.

II.

Не получилъ Макарій какого-либо образованія и ораторскаго въ какой-либо изъ школъ, подобно Василию Великому или Златоусту. Но онъ былъ богато одаренъ отъ природы тѣми душевными качествами, которыя особенно способны образовать истиннаго христіанскаго оратора: глубокою сердечностію, живымъ и сильнымъ воображеніемъ, высоко-благочестивымъ энтузіазмомъ, развивавшимся въ немъ въ теченіе его продолжительной жизни въ Богѣ и для Бога до необычайной, истинно пророчесвенной силы и интенсивности. Его рѣчи—плодъ глубокаго размышленія, усиленной и напряженной духовной жизни. Разнообразные психическіе процессы, переживаемые христіаниномъ на пути его къ нравственному совершенству, безчисленные виды душевныхъ состояній, состояній праведности и грѣховности, дознаны имъ опытомъ собственной личной внутренней жизни, анализомъ и наблюденіемъ; знаніе и постиженіе «внутренняго человѣка» доходить въ немъ до истиннаго сердцевѣдѣнія и ясновидѣнія. *Паниль* ¹⁾ замѣчаетъ справедливо, что если бы Св. Макарію пришлось быть проповѣдникомъ въ мірѣ, среди измѣнчивой и подвижной житейской обстановки, онъ былъ бы, вѣроятно, не только однимъ изъ самыхъ задушевныхъ и глубоко-чувствующихъ ораторовъ, но въ то же время практическимъ по содержанію и однимъ изъ самыхъ ясныхъ по изложенію. Поставленный условіями своего призванія въ необходимость имѣть дѣло съ отшельниками, съ людьми, для которыхъ совершенно чужды были, хотя и не невѣдомы, нравственно-практическія условія и нужды жизни мірской съ ея разнообразными отпращиваніями, онъ направляетъ силу своего чувства и воображенія главнымъ образомъ въ область отвлеченныхъ созерцаній и жизни внутренней духовной, разсуждая о законахъ этой жизни не только съ компетентностію лучшаго, перваго по степени достоинства, христіанскаго психолога, но и съ тѣмъ же энтузіазмомъ и паѳосомъ, какіе свойственны лучшимъ учи-

¹⁾ Geschichte der christlichen Bercisamkeit, 1839, § 125.

телямъ церковнымъ, тракующимъ духовно-нравственныя потребности и законы жизни мірской. Эта духовная жизнь, о которой съ такимъ глубокимъ пониманіемъ ея явленій и законовъ разсуждаетъ св. авва, не есть однако жизнь исключительно монашеская, — это духовная жизнь человѣка — христіанина вообще, святымъ аввой чрезъ размышленіе, наблюденіе и изученіе слова Божія наиболѣе постигнутая. Не смотря на созерцательно-мистическое содержаніе проповѣдей Макарія, ему присуща полная ясность представленія, вся естественная свѣжесть и живость рѣчи.

И по внѣшней своей формѣ проповѣди Макарія представляютъ явленіе замѣчательное для IV-го вѣка. Въ строгомъ смыслѣ они не могутъ быть отнесены ни къ тому, ни къ другому изъ двухъ развившихся къ его времени и господствовавшихъ въ IV вѣкѣ главныхъ типовъ восточной проповѣди, ни къ гомилиі (ὁμιλία) ни къ слову (λόγος) въ терминологическомъ смыслѣ этихъ названій. Гомиліями они не могутъ быть названы потому, что отнюдь не представляютъ послѣдовательнаго объясненія, слово за словомъ, какого либо текста Св. Писанія, какъ это свойственно было гомилиі уже со времени Оригена, хотя въ содержаніи его проповѣдей библейскіе тексты встрѣчаются въ избыткѣ, иногда даже въ излишествѣ, — больше, чѣмъ сколько нужно для доказательства и объясненія мысли проповѣдника, — и хотя вообще въ его проповѣдяхъ безусловно господствуетъ библейскій духъ и внѣшній обликъ рѣчи библейскій. *Словами* (λόγοι) въ томъ терминологическомъ смыслѣ, какой установился для этого названія въ IV вѣкѣ, онѣ также названы быть не могутъ, по причинѣ полного отсутствія какой-либо искусственной конструкціи, какой-либо степени тематизаціи (ни въ одной проповѣди заглавіе ея не опредѣляетъ вполне и не исчерпываетъ его содержанія), а равно и по отсутствію какого-бы то ни было признака искусственности ораторской, составляющей проявленіе риторическаго и діалектическаго образованія. Проповѣди Макарія представляютъ типъ вполне своеобразный, носящій на себѣ ясныя признаки того вида проповѣди, какой она можетъ быть имѣла во вѣкѣ апостольскій или во время непосредственно слѣдовавшее за апо-

столами ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе разговорная (діалогическая) структура нѣкоторой части бесѣдъ (ὁμιλία), именно бесѣды VI, VII, VIII, XII, XV, XXVI, XXVII, XXXVII, XL. — Какъ въ первобытной Церкви предметъ учительной рѣчи указывался нерѣдко предложеннымъ къмъ-либо учащему вопросомъ, и затѣмъ раскрывался и изъяснялся въ своихъ подробностяхъ не безъ участія слушателей, прерывавшихъ рѣчь учителя новыми вопросами и возраженіями, — отчего проповѣдь получала характеръ бесѣды въ собственномъ смыслѣ этого слова, — такъ, повидимому, велось дѣло проповѣдыванія своей «братіи» и Макаріемъ. По крайней мѣрѣ указанныя девять бесѣдъ, имѣя обыкновенно монологическое начало, представляютъ затѣмъ рядъ вопросовъ (ἐρωτήσεις — interrogatio) и отвѣтовъ (ἀποκρίσεις — responsio) на нихъ, такъ что бесѣда иногда представляетъ видъ настоящаго разговора (бес. XII, XXVII и др.). Иногда вопросъ, прерывающій монологическое начало проповѣди, вызывается тою или другою изъ высказанныхъ въ началѣ проповѣди проповѣдникомъ мыслей, иногда же онъ не имѣетъ никакого отношенія къ содержанію начала проповѣди. Поэтому нельзя съ полною рѣшительностію сказать, предлагались ли эти вопросы проповѣднику слушателями экспромтомъ, *во время самой бесѣды*, или были предъявляемы ему до ея начала, и въ этомъ случаѣ непосредственно ли предъ началомъ проповѣди, или болѣе или менѣе заранѣе. Повидимому имѣло мѣсто и то и другое. Въ однихъ случаяхъ, можетъ быть въ началѣ проповѣднической дѣятельности Макарія, предлагались вопросы и возраженія *во время самой рѣчи*, въ церковномъ собраніи, какъ можно предполагать по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ вопросовъ, которые относятся непосредственно къ только что высказанной проповѣдникомъ мысли. Напримѣръ (бес. XXVII) проповѣдникъ начинаетъ проповѣдь словами: «нынѣ Христіане иначе обогащаются, — восхищаются къ Божеству, но и имѣя такую ревность и утѣшеніе, находятся въ страхѣ и тре-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ нашей «исторіи первобытной Христіанской проповѣди» Слб. 1885 г.

петѣ (ὄπὸ φόβου καὶ τρόμου εἰσὶν)», — слушатель прерываетъ рѣчь проповѣдника, едва онъ произнесъ эти слова, вопросомъ: «въ какомъ страхѣ и трепетѣ (ὄπὸ ποῖου φόβου καὶ τρόμου εἰσὶν)? Въ бесѣдѣ VIII (§ 2) проповѣдникъ начинаетъ разсуждать о внутреннемъ состояніи Христіанина во время молитвы. Рѣчь его прерывается вопросомъ: всегда ли человѣкъ находится въ такомъ состояніи? Еще: «Ты говоришь (εἶπες...)... а что значить сіе? (XXXVIII. 8). Въ другихъ случаяхъ предлагаемый вопросъ не имѣетъ никакого отношенія или отношеніе отдаленное къ непосредственно—предшествующимъ мыслямъ (напримѣръ бес. VI. §§ 5—6, VII. 3, 5, 6, XII, 3, 15, XL. 3 и др.). О такихъ вопросахъ можно предположить, что они ради большаго порядка и удобства для учителя предъявлялись ему ранѣе, чѣмъ началась бесѣда, и уже самимъ проповѣдникомъ ставились въ бесѣдѣ по окончаніи рѣчи о томъ, что сказать предположилъ онъ самъ (напр. бес. XV. § 13). Предлагались вопросы и отдѣльными лицами изъ присутствующихъ (XXXVII, 5: ἀλλ' ἐγὼ τοῦτο θαύμαστον ἐπερωτήσω... XII, 10: ἕκαστος γὰρ ἄραται ἐπερωτᾶν... XXII, 9: ἐγὼ σε σοι λέγω) и коллективно, многими (XXVI, 21: διακρίνον ἡμῶν, πῶς ἐστὶ τὰ πνευματικά... VIII, 6: ἐπεὶ ἡμῶν σο и др.).

Проповѣди Макарія часто начинаются безъ всякаго вступленія и даже текста, прямо тѣмъ вопросомъ или предметомъ, которымъ по своему внутреннему побужденію или по внѣшнему вызову хочетъ заняться въ своей рѣчи проповѣдникъ. Онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ или предметъ до тѣхъ поръ, пока или исчерпаетъ его, или, часто не отдавая самъ яснаго отчета—почему, не перейдетъ къ другому ряду мыслей, часто совершенно отличному отъ предъидущаго. Не болѣе, какъ двѣ—три бесѣды, самыя краткія, представляютъ во всемъ своемъ составѣ одно упорядоченное цѣлое. Богатый умъ и живое воображеніе оратора по природѣ св. Макарія почти вовсе чужды той склонности къ логическому упорядоченію мыслей и сужденій, какою характеризуется какъ своимъ существеннымъ признакомъ рѣчь оратора *по образованію*. Не смотря на высоту и отвлеченно-мистическій характеръ предметовъ, о которыхъ учить Макарій, рѣчь его всегда ясна и отчетлива, какъ

ясно и отчетливо самое пониманіе проповѣдникомъ своей продуманной и вполне понятой и усвоенной мысли. Но эта рѣчь развивается отнюдь не въ порядкѣ строго—логической послѣдовательности, а въ порядкѣ вполне безыскусственномъ, указываемомъ непосредственной ассоціаціей идей самого проповѣдника или собесѣдовательнымъ теченіемъ его рѣчи. Во всякомъ случаѣ о методическомъ развитіи одной и той же мысли въ проповѣдяхъ Макарія не можетъ быть и рѣчи. Даже въ томъ случаѣ, если бы проповѣдникъ отъ природы былъ болѣе склоненъ, чѣмъ какъ было въ дѣйствительности, во всемъ разсужденіи, отъ его начала и до конца, непрерывно развивать одну мысль, церковный обычай того времени и порядокъ монастырскихъ отношеній настоятеля къ братіи ему не позволили бы такой методичности и послѣдовательности. Но, кромѣ того, что такой склонности въ Макаріѣ не замѣчается, мы находимъ у него сознательное стремленіе осуществлять въ своей проповѣднической методѣ порядокъ проповѣди древне-церковный, т. е. порядокъ вполне безыскусственной непосредственной ассоціаціи мыслей. Въ томъ случаѣ, когда не слышится прерывающаго его рѣчь возраженія или вопроса со стороны слушателей, проповѣдникъ самъ указываетъ предусматриваемое имъ возраженіе (напримѣръ въ бес. XII, § 10, бес. XV, § 14: но ты говоришь... *ἀλλὰ λέγεις...*). Во всѣхъ тѣхъ девяти бесѣдахъ, въ которыхъ встрѣчается форма діалога, проповѣдникъ держится порядка вопросовъ слушателей, а не порядка предмета или текста имъ самимъ избраннаго. Что касается прочихъ «бесѣдъ», изложенныхъ не въ разговорной формѣ, то онѣ, хотя и имѣютъ монологическую форму, но отнюдь не всѣмъ своимъ содержаніемъ относятся къ предмету или тексту, обозначенному въ заглавіи, совершенно чужды какого бы то ни было вида тематизаціи. На ряду съ предметомъ, обозначеннымъ въ заглавіи, въ нихъ часто говорится о такихъ предметахъ, которые съ нимъ не имѣютъ ничего общаго и связываются съ нимъ чисто механически. Такъ въ XI бесѣдѣ сначала говорится о силѣ дѣйствія Св. Духа въ сердцѣ Христіанина, далѣе о томъ, какъ распознавать самые сокровенные помыслы и движенія сердца, а затѣмъ—о мѣдномъ

зміѣ Моисея, какъ прообразѣ распятія І. Христа, о спорѣ І. Христа съ сатаной, о спорѣ вѣрующихъ съ сатаной. XIV бесѣда трактуеть сначала объ освященіи сердца человѣка, отдающаго себя на служеніе Богу, затѣмъ о способахъ достиженія небесныхъ благъ, далѣе апостолы и пророки сравниваются съ солнечными лучами, проникающими во мракъ. а заканчивается слово разсужденіемъ объ отечествѣ сатаны (*ἡ καὶ πατρίς σατανῆς*), и мѣстѣ обитанія блаженныхъ духовъ. На эту черту бесѣдъ Макарія указываютъ какъ на недостатокъ. Если въ бесѣдахъ, представляющихъ слѣды діалогическаго происхожденія, отсутствіе методическаго развитія мысли вполне естественно, то, говорятъ, въ бесѣдахъ, не имѣющихъ такого происхожденія, проповѣднику, намѣтивши разъ въ началѣ предметъ рѣчи, не было надобности уклоняться отъ него въ дальнѣйшемъ изложеніи и обращаться къ другимъ предметамъ, не имѣющимъ къ нимъ никакого отношенія. Съ точки зрѣнія строгой гомилетической теоріи это замѣчаніе, конечно, справедливо; но слѣдуетъ помнить, что проповѣдникъ—авва руководился отнюдь не какою-либо теорію, а слѣдовалъ въ своихъ импровизаціяхъ ходу непосредственной ассоціаціи своихъ идей. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ большей части прочихъ бесѣдъ св. аввы соблюдается необходимая связность и послѣдовательность въ ходѣ мыслей. Вообще же по построенію бесѣды св. Макарія представляютъ тотъ же типъ безыскусственныхъ рѣчей, образцы которыхъ мы видѣли уже въ поученіяхъ учителя Макарія, св. Антонія. Отъ семи «словъ» (*λογοί, libri*), которыя суть не что иное, какъ болѣе или менѣе уже тематизованныя проповѣдническія разсужденія (имѣющія иногда и проповѣдническое заключеніе, какъ въ словѣ «о храненіи сердца», состоящее изъ «славословія» и слова аминь), «бесѣды» отличаются большею краткостію. Такъ бесѣды XIII («о томъ, каковаго плода Богъ требуетъ отъ Христіанъ»), XXII («о двоякомъ состояніи отходящихъ изъ сей жизни») и XXXIX («для чего дано Св. Писаніе») до того кратки, что состоятъ каждая всего лишь изъ нѣсколькихъ предложений, хотя, съ другой стороны, есть одна бесѣда—XV столь длинная, что по объему равняется самымъ большимъ проповѣдямъ

проповѣдниковъ—ораторовъ IV вѣка (занимаетъ девятнадцать столбцовъ петита въ изданіи Миня).

Что касается изложенія въ бесѣдахъ св. Макарія, то, хотя отвлеченность и возвышенность предметовъ рѣчи могли бы повлечь за собою большую или меньшую неясность и темноту, тѣмъ не менѣе ни той, ни другой въ нихъ не замѣчается,—мысли проповѣдника всегда выражаются ясно и отчетливо, общепонятно. Риторической декламациі и изысканныхъ украшеній у него совсѣмъ нѣтъ, много примѣровъ и сравненій, вторыхъ даже нерѣдко встрѣчается больше, чѣмъ сколько требуется, но они всегда хорошо объясняютъ и освѣщаютъ мысль проповѣдника. Очень часто встрѣчаются у Св. Макарія аллегоріи—отчасти, можетъ быть, какъ дань характеру времени, главнымъ же образомъ какъ специальная принадлежность его личнаго богословскаго міросозерцанія.

Такъ *пять словесъ* апостола (1 Кор. XIV, 19) означаютъ по Макарію пять добродѣтелей—молитва, воздержаніе, долготерпѣніе, милосердіе и вольное убожество (б. XXXVII, 8). Слова апостола о женѣ, съ непокровенною главою молящейся, кромѣ буквального смысла, имѣютъ смыслъ аллегорическій, именно относятся къ Церкви,—«жена есть образъ Церкви» (б. XII, 15). Двѣ бесѣды—I и XLVII суть въ цѣломъ своемъ составѣ аллегоріи. Какъ животные, изображаемые у Іезекиіля въ первой главѣ (б. I), полны глазъ, такъ душа, въ которой обитаетъ Богъ, вся содѣлывается свѣтомъ, вся лицомъ, вся окомъ, и нѣтъ въ ней ни единой части, неисполненной очами свѣта. Четыре животныхъ, изъ которыхъ орелъ господствуетъ надъ птицами, волъ—надъ стадами, левъ—надъ живыми звѣрями, человекъ—надъ всѣми твореніями, суть образы четырехъ силъ, господствующихъ въ душѣ,—воли, совѣсти, разума и любви. Какъ эти звѣри въ видѣніи Іезекиіля идутъ не туда, куда хотѣли, а туда, куда хотѣлъ направить ихъ сидяцій на нихъ: такъ и душею самъ Богъ управляетъ своею премудростію. Какъ жертву въ Ветхомъ Завѣтѣ священникъ закалалъ, разрѣзывалъ, посыпалъ солью и затѣмъ клалъ на огонь; такъ и душа, приближаясь къ истинному Архіерею, должна быть умерщвлена имъ для

всѣхъ дурныхъ пожеланій. Какъ тѣло, по разлученіи съ душою, мертво, такъ и душа, отдавшаяся Христу, должна умереть для порочной жизни, и т. д.

Нижеслѣдующія краткія извлеченія знакомятъ насъ съ способами объясненія своихъ мыслей, какихъ держится св. авва, а отчасти и съ самымъ его образомъ мыслей. «Какъ невозможно рыбѣ жить безъ воды, какъ нельзя безъ ногъ ходить, безъ языка говорить, безъ ушей слышать: такъ безъ Господа Іисуса и безъ содѣйствія благодати нельзя познать тайны премудрости Божіей или быть добродѣтельнымъ и христіаниномъ» (XVII, 10). «Какъ конь, пока въ лѣсахъ пасется, не покоренъ человѣку бываетъ, а когда уловляется, то надѣвается на него узда, потомъ приучается къ вооруженію и шуму, чтобы быть способнымъ къ войнѣ, и, когда бываетъ обученъ, на войнѣ однимъ ржаніемъ наводитъ страхъ на враговъ; такъ и душа по грѣхопаденіи бываетъ непокоривою, и живетъ съ злыми духами; а когда услышитъ слово Божіе, укрощается отъ Св. Духа, отлагаетъ свирѣпый нравъ и плотскія мудрованія» (XXIV, 2). «Какъ на пергаменѣ, изготовленномъ для писанія, различно, что хочешь—напишешь и снова сотрешь, ибо пергамень удобенъ для всякаго письма: такъ и жестокосердый можетъ покорять волю свою Богу, и обратившись ко благому, приѣмлется отъ Бога» (XXVI, 6). «Какъ трудно углю горящему отъ огня избавиться, такъ и душѣ свободиться отъ огня смерти (— 12). Какъ земледѣлецъ не получаетъ пользы отъ обработыванія земли и сѣянія, если свыше облака не оросятъ нивы: такъ и въ вещахъ духовныхъ (— 19, 21). «Какъ земля, хотя сама по себѣ одинакова, но одна камениста, другая плодородна, одна способна къ насажденію винограда, другая—къ сѣянію жита или ячменя: такъ различны сердца и намѣренія человѣческія» (XXVI, 4). «Какъ поселянину, намѣревающемуся воздѣлывать землю, надлежитъ взять орудія и одѣяніе, къ земледѣлію пригодныя: такъ и Христось. Царь небесный, припедъ къ запустѣвшему отъ золь человѣческому естеству, принявъ тѣло и вмѣсто орудія нося крестъ, воздѣлалъ душу запустѣвшую и истребилъ въ ней тернія и волчцы духовъ лукавыхъ» (XXVIII, 3). «Какъ

земледѣлец воздѣлываетъ землю впрягая пару воловъ: такъ Господь Исусъ по два апостола сопрягая посылалъ ихъ воздѣлывать сердца людей» (XXVIII, 7). «Какъ въ мѣрѣ художники и архитекторы, будучи преданы своей наукѣ тѣломъ, и умъ свой ей же посвящаютъ денно и ношно: такъ разсуди о себѣ самомъ и ты, имущій тѣло устранившееся отъ сего мѣра—имѣешь ли и мысль, удалившуюся отъ сего вѣка» (XXVII, 18). «Какъ при встрѣчѣ войскъ персидскаго и римскаго выходятъ впередъ изъ того и другого храбрые юноши, равно сильные для сраженія: такъ душа и супротивная ей сила встрѣчаются въ борьбѣ одна съ другою» (— 22). «Какъ живописецъ, снимающій портретъ царя,—если лице царя обращено къ нему, точно и вѣрно изображаетъ его образъ; а если царь лицо отвратить, то и живописецъ точно изобразить его не можетъ: такъ и великій оный живописецъ Христосъ въ вѣрующихъ въ Него и прилежно на него взирающихъ скоро изобразуетъ небснаго человѣка по Своему образу» (XXX, 4) ¹⁾. «Какъ человѣкъ имѣетъ два глаза, двѣ руки, двѣ ноги,—однорукой, одноглазый и т. д. считаются уродами;—какъ птица, имѣющая одно крыло, летать не можетъ; такъ и естество человѣческое, если будетъ само себѣ оставлено и не соединится съ естествомъ небснымъ, ничего похвальнаго предпринять и исполнить не можетъ...» (XXXII, 6). «Какъ жена, обрученная мужу, все свое приданое отдаетъ ему—я ничего для себя не оставляю, все имѣніе мое твое также, какъ душа моя и тѣло твои, говорить она: такъ и цѣломудренная душа есть невѣста Господня и во всемъ причастница Св. Духу» (— 9). «Какъ очи тѣлесныя ясно видятъ предметы, на которые смотрятъ: такъ душамъ святыхъ явны и видимы красоты Божества» (XXXIV, 1). «Какъ желѣзо, копая, паша, самодѣйствуетъ, но есть другой, его движущій, острящій и возобновляющій его, когда притупится: такъ хотя человѣкъ и самъ трудится для добродѣтели, однако самъ Господь тайно дѣйствуетъ въ немъ, и когда видитъ утрудившагося и изнемогшаго, утѣшаетъ и обновляетъ его сердце своею помощію» (XXXVII, 11).

1) Подобное сравненіе есть у Оригена.

«Какъ на ристалищахъ люди, управляя колесницами, стараются побѣдить и превзойти противника: такъ бываетъ въ сердцѣ духовно-подвигающихся, гдѣ нечистые духи сражаются съ душею» (XL, 6). «Какъ огонь около сосуда. — если подложить дровъ, возгарается. и находящееся внутри сосуда кипить и варится; если вознерадѣть о томъ, то огонь ослабѣваетъ и гаснетъ: такъ и благодать—оний небесный огонь ..» (XL, 7). «Какъ глазъ, хотя всѣхъ членовъ меньше, великъ сосудъ; ибо въ одно мгновение обзрѣваетъ небо, звѣзды, солнце, грады и пр.. и всѣ зримыя вещи въ едино мгновение въ малой зеницѣ изображаются: такъ дѣйствуетъ и умъ человѣческій въ сердцѣ» (XLIII, 7). «Какъ овца овцу лечить не можетъ: такъ и разумная овца—человѣкъ, если не будетъ исцѣленъ врачомъ небеснымъ, не увидетъ въ церковь Господа» (XLIV, 4). «Какъ дѣвица, обрученная съ женихомъ, какія ни получаетъ отъ него подарки, украшенія, имѣнїя, одежды до бракосочетанія, не успокаивается ими, пока не совершится самый бракъ и не вступитъ съ мужемъ въ соединеніе: такъ и душа, избранная въ невѣсту небесному жениху, приемлетъ залогъ отъ Св. Духа, — даръ исцѣленія или разума или откровенія, но не успокаивается ими, пока не достигнетъ полного соединенія со Христомъ» (б. XLV, 8). «Въ мірѣ жена богатая, если не имѣетъ помощи и покровительства, подвергается опасности лишиться своего достоянїя и потому ищетъ себѣ мужа сильнаго, достойнаго и во всемъ искуснаго, — и когда найдетъ такого мужа, радуется о немъ и имѣетъ его вмѣсто крѣпкой ограды: такъ и душа... Яко вдова за преступленіе отъ небснаго жениха оставленная» (XIV, 4). «Какъ въ апрѣлѣ, корни, сокрытые въ землѣ, начинаютъ производить цвѣты и плоды: такъ и въ день оний (судный) все, что ни творилъ человѣкъ, покажется и явятся дѣла злыя и благія» (б. XII, § 14). «Какъ ѣздящіе во градъ для посѣщенія друзей, хотя со многими встрѣчаются на пути, однако для нихъ не останавливаются, и какъ скоро постучатся у вратъ и скажутся, то съ радостію отверзаютъ имъ двери друзья ихъ; а если медлятъ на распутїяхъ, забавляются и останавливаются съ встрѣчающимися, то заключаются двери и никто имъ не отверзаетъ:

такъ и къ Господу І. Христу шествующіе все прочее должны оставить» (б. XV, 17). «Какъ зачатый во утробѣ плодъ не вдругъ становится человѣкомъ, но по малу образъ пріемлетъ и рождается, и не скоро дѣлается настоящимъ человѣкомъ; какъ сѣмена ячменя или пшеницы въ землю посѣянная, не вдругъ укореняются и плодотворятъ, но по прошествіи зимы и вѣтровъ во время удобное класы произращаютъ: такъ и въ духовныхъ вещахъ... человѣкъ мало по-малу приходитъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста а не такъ, какъ нѣкоторые говорятъ, будто стоитъ только совлещися и облещися (бесѣд. XV, 39)».

Изъ этихъ и подобныхъ сравненій, которыми изобилуютъ проповѣди Макарія, видно, что этотъ аскетъ, никогда нежившій въ мірѣ, прекрасно знакомъ съ условіями житейскаго быта. со всею его обстановкой, нравами и обычаями, не только съ бытомъ земледѣльца, сравненія и примѣры изъ котораго, по сознанію самого проповѣдника—самыя любимыя и на болѣе употребительныя, но также изъ быта купечества (XXXIII, 2) и торговаго мореплаванія (XLIII, XV, 8), изъ устройства городовъ и крѣпостей (XXXVI, 2, XLII, 1), изъ области хозяйства и домоводства, большаго и меньшаго (XLV, 4), пчеловодства, сребродѣля (XVI, 7), изъ жизни супружеской и семейной (выборъ мужа вдовою XLV, 8), свадебные обряды и порядки (XVI, 2), процессъ рожденія ребенка благополучнаго и при неудачной помощи акушеровъ—(*ἀνάγκη λοιπὸν τοὺς εἰς τοῦτο τεταγμένους ἰατροὺς ξίφει χρῆσασθαι*—XLIII, 5), порядковъ и обычаевъ жизни военной (XXVII), придворной (XXVI, 14. XXVII, 37) и т. д. Не менѣе часты у него сравненія изъ жизни природы—рыбъ, птицъ, звѣрей, гадовъ (наприм. XXXII) и т. д. Всѣ эти удачно выбранныя сравненія, изложенныя нерѣдко въ видѣ цѣлыхъ картинъ, придаютъ бесѣдамъ Макарія ту общепонятность и ясность, которая всегда составляютъ одно изъ высшихъ достоинствъ проповѣдническаго изложенія и которая въ настоящемъ случаѣ имѣютъ тѣмъ болѣе цѣны, чѣмъ возвышеннѣе и отвлеченнѣе предметы проповѣди св. аввы и чѣмъ больше требовалось отъ него остроумія и изобрѣтательности при объясненіи аналогіи сравниваемыхъ пред-

метовъ и явленій изъ жизни внѣшней и изъ внутренняго міра души. Не невѣдома была бывшему пастуху и область науки и литературы мірской, къ которой онъ не относится безусловно-отрицательно, не находя лишь возможнымъ сдѣлать изъ нея непосредственнаго употребленія въ той сферѣ, которой посвящены его бесѣды—къ сферѣ жизни нравственно-духовной христіанской (XV, 46). О чтеніи писаній братіями проповѣдникъ говоритъ какъ о дѣлѣ обыкновенномъ (III, 1). Въ высшей степени заслуживаютъ вниманія его увѣщанія объ отпущеніи рабовъ на свободу, которое онъ понимаетъ какъ дѣло христіанской благотворительности (XXXIX, 3). Можно даже сказать, что бесѣды Макарія въ цѣломъ своемъ составѣ есть не что иное, какъ одна сплошная, хотя и не систематизованная параллель жизни природы и человѣческаго общества съ одной стороны, и внутренней духовной жизни христіанина съ другой, при чемъ ни къ природѣ мірозданія, ни къ общественному строю, какъ онъ существуетъ самъ въ себѣ, проповѣдникъ—аскетъ отнюдь не относится отрицательно.

Извѣстныя нынѣ подъ именемъ словъ (λόγοι) семь твореній Макарія (opuscula), изданныя въ первый разъ съ именемъ Макарія Посеиномъ въ 1683 году, перепечатанныя затѣмъ въ 1814 году Преціемъ въ числѣ другихъ твореній Макарія, затѣмъ изданныя Галланди и Минемъ, въ средніе вѣка извѣстны были подъ именемъ *посланій* Макарія: *Глика* въ своей лѣтописи приводитъ такія слова изъ «*посланій*» (ἐν ἐπιστολαῖς) Макарія, которыя буквально читаются въ § 2 нынѣшняго IV «слова» Макарія (περὶ ὑπομονῆς καὶ διακρίσεως λόγος). Съ другой стороны по мнѣнію Мина 1) эти «слова» не суть подлинныя сочиненія Макарія, имъ самимъ составленныя въ томъ видѣ, въ какомъ существуютъ нынѣ, а суть компіляціи изъ его гомилій отчасти тѣхъ, которыя извѣстны и уже изданы, что доказывается сравненіемъ ихъ (напримѣръ сличи изъ *слова* «о возвышеніи ума» § 6 съ § 4, IV бесѣды—классическое мѣсто о тѣлесности ангеловъ и душъ человѣческихъ).

1) Migne, patrologiae cursus compl. ser. graeca t. XXXIV, col. См. также прибавл. къ твореніямъ Св. Отцевъ въ русскомъ перев. т. III (1845 г.) стр. 118.

Компиляція эта сдѣлана Симеономъ Логофетомъ († 1152), если вѣрить одному кодексу, въ которомъ она озаглавляется: κεφαλαία τοῦ ἁγίου Μακαρίου μεταφρασθέντα (transcripta) παρὰ Συμεῶν τοῦ Λογοφέτου ρν. Это предположеніе Миня намъ кажется не безосновательнымъ, такъ какъ эти λόγοι, болѣе точно обозначенные латинскими переводчиками ихъ словомъ libri, за исключеніемъ перваго слова «о храненіи сердца» περί φυλακῆς καρδίας, оканчивающагося совершенно по проповѣднически—словами: «слава Отцу и Сыну и Св. Духу во вѣки вѣковъ, аминь», не имѣютъ внѣшнихъ признаковъ проповѣди, и хотя имѣютъ тотъ же одушевленно-лирической профитійный складъ рѣчи, правоучительно-аскетическую тенденцію, какъ и бесѣды (ὁμιλίαι), но могутъ быть отнесены къ области проповѣдничества лишь въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы относимъ къ ней трактаты (tractatus) Кипріяна ¹⁾ т. е. въ смыслѣ литературной переработки проповѣдей, сохранившей проповѣдническое содержаніе и проповѣдническую концепцію предмета, но уже утратившей внѣшніе признаки проповѣдническаго изложенія и проповѣдническую форму. Но если при обзорѣ латинской проповѣди III вѣка нельзя обойтись безъ изученія твореній Кипріяна, по отсутствію всякихъ другихъ данныхъ для опредѣленія характера западной проповѣди той эпохи, то въ настоящемъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ проповѣдію восточною IV вѣка, послѣ изученія въ строгомъ смыслѣ гомилетическихъ произведеній Макарія, мы можемъ ограничиться указаніемъ на полное тождество этихъ «словъ» Макарія по содержанію съ его «бесѣдами», и полную однородность ихъ по строю мысли и способу ея раскрытія.

Н. Барсовъ.

¹⁾ См. нашу «исторію первобытной проповѣди» Спб. 1885, стр. 329.

О Ч Е Р К И

ИЗЪ

ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ.

Представители нравственно-аскетическаго типа проповѣди на Востокѣ

ВЪ IV ВѢКѢ.

(Окончаніе *).

III.

Первостепенное значеніе въ исторіи проповѣди имѣютъ бесѣды и слова Макарія *по своему содержанію*. Въ нихъ содержится ученіе отчасти своеобразное, относящееся къ области частныхъ такъ называемыхъ мнѣній св. отцовъ, къ которымъ Церковь относится съ уваженіемъ, отчасти составляющее ученіе самой Церкви, въ первые Макаріемъ выраженное и формулированное. Главнымъ исходнымъ пунктомъ богословскаго міровоззрѣнія св. аввы слѣдуетъ, кажется, признать ученіе о способахъ приближенія души къ Богу и соединенія ея съ Нимъ, какъ высшемъ благѣ христіанина и конечной цѣли человѣческаго существованія. Это соединеніе, по Макарію, не есть лишь одно согласіе мысли и воли человѣка съ мыслию и волею Божественною: для его глубокаго христіанскаго чувства такого соединенія недостаточно, и онъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 10.

находить возможнымъ и осуществимымъ дѣйствительное, реальное единеніе души съ Божествомъ, такое единеніе, въ которомъ человѣческое существо разрѣшается въ Божеское и личность человѣка становится единымъ съ Богомъ,—когда человѣкъ мыслить, чувствуетъ и дѣйствуетъ не въ себѣ самомъ, и не для себя самого, а всецѣло живетъ въ Богѣ и для Бога. «Когда душа прилѣпляется къ Господу (τῆς ψυχῆς κολλωμένης τῷ Κυρίῳ), то и Господь, милосердіемъ и любовію подвигнутый, приходитъ къ ней и прилѣпляется къ ней, и разумъ ея непрестанно пребываетъ въ благодати Господней, и такимъ образомъ душа и Господь становятся единъ Духъ, едино раствореніе, единъ разумъ (εἰς ἓν πνεῦμα, εἰς μίαν κρίσιν, καὶ εἰς μίαν διάνοιαν γίνονται ψυχὴ καὶ ὁ Κύριος). И хотя тѣло ея на землѣ находится, разумъ весь и всецѣло въ небесномъ Иерусалимѣ обитаетъ, соединяся съ Господомъ и восшедши до третьяго небесе, тамъ служить ему. Онъ же, сѣдя на престолѣ величествія на высокихъ, въ небесномъ градѣ, весь, купно съ душею, въ ея тѣлѣ пребываетъ (ὅλος πρὸς αὐτὴν ἐν τῷ σώματι αὐτῆς ἐστὶ); ея образъ Онъ вселилъ горѣ, въ небесномъ святомъ градѣ; свой же образъ неизрѣченного свѣта и Божества поставилъ въ ея тѣлѣ. Онъ ей служитъ во градѣ тѣла, а она ему служитъ во градѣ небесномъ. Душа получаетъ его себѣ въ наслѣдіе на небеси, а Онъ беретъ ее себѣ въ наслѣдіе на землѣ, и такимъ образомъ Господь содѣлывается наслѣдіемъ душѣ, а душа наслѣдіемъ Господу... ¹⁾ Ибо если разумъ и мысль даже грѣшниковъ, во тѣмѣ сущихъ, столь далеко отъ тѣла могутъ быть и странствовать, въ одно мгновеніе отходить въ далечайшіе мѣста, и на землѣ оставляя тѣло, въ иномъ отечествѣ съ своимъ возлюбленнымъ или возлюбленною обитать; если душа грѣшника столь удобоподвижна, что ея мысль не можетъ быть препятствуема самыми далекими разстояніями: не тѣмъ ли болѣе душа, съ которой снятъ покровъ мрака силою Св. Духа, и которой мысленныя очи просвѣщены небеснымъ свѣтомъ, которая освободилась совершенно отъ нечистыхъ страстей и

¹⁾ Вес. 46, 3, Migne, t. 34, col. 793.

содѣлалась, силою благодати, непорочною.—не тѣмъ ли болѣе она, вся въ Св. Духѣ пребывая, на небеси служить Господу и вся въ тѣлѣ своемъ ему работаетъ и своимъ разумомъ до того распространяется, что всюду присуща, и гдѣ токмо хочетъ и когда хочетъ, служить Христу? Это утверждаетъ и апостоль: да возможете разумѣти со всеми святыми, что широта и долготы и глубина и высота, и разумѣти преспѣющую разумъ любовь Христову, да исполнитесь во всякое исполненіе Божіе (Ефес. 3, 19). Разумѣй неизрѣченныя тайны души, отъ которой отнялъ Господь мракъ, которую открылъ и которой самъ открылся, распростирая мудрость ея разума въ широты, глубины, долготы и высоты всего видимаго и невидимаго созданія. По истинѣ великое божественное и досточудное дѣло — душа!»

Изучая внутреннюю духовную жизнь человѣка и законы нравственнаго бытія его и дѣятельности, св. авва подробно развиваетъ свою особую своеобразную психологическую теорію, и между прочимъ утверждаетъ, что ангель, душа, духъ по собственной природѣ каждый есть тѣло—*κατὰ ἰδίαν φύσιν σῶμα ἐστίν, ὁ ἄγγελος, ἡ ψυχὴ, ὁ δαίμων*. Ибо хотя они и тонки, однако въ существѣ, образѣ и видѣ, по тонкости своей природы суть тонкія *τῆλα* (*σῶμα τυχάνει λεπτόν* слово о возвышеніи ума, § 6). Душа «имѣетъ образъ и видъ, подобный ангелу;—какъ ангелы имѣютъ образъ и видъ и какъ внѣшній человѣкъ имѣетъ видъ, такъ и внутренній человѣкъ имѣетъ образъ, подобный ангелу и видъ—внѣшнему человѣку» *ἔχει εἰκόνα καὶ μορφήν ὁμοιάζουσαν τῷ ἄγγέλῳ* (б. 7, 7). «Безконечный, неприступный и несозданный Богъ, по неизглаголанной своей благодати, воспріялъ на себя плоть... дабы чрезъ то возможно было ему соединиться съ видимыми своими твореніями, съ душами святыхъ и ангеловъ, да и они содѣлаются причастниками жизни Божественной. Ибо каждое изъ сихъ твореній по естеству своему есть тѣло—ангелъ, душа и духъ (*δαίμων*); хотя они суть существа тонкія, однако и душа имѣетъ свое око, которымъ видитъ, ухо, которымъ слышитъ, языкъ, которымъ говоритъ, руки, все свое тѣло (*πᾶν σῶμα*) и всѣ его члены (*πᾶν σῶμα καὶ τὰ μέλη αὐτοῦ*),

и соединившись съ тѣломъ чрезъ него совершаетъ всѣ жизненные отправления. Такъ и Богъ, будучи безпредѣленъ, превосходя всякій нашъ умъ, по своей благодати облекся въ тѣло, по своему человеколюбію, премѣнивъ образъ, воспріялъ плотъ, и такимъ образомъ соединяется и пріемлетъ души святыя, Ему благоугождающія и вѣрныя, и бываетъ съ ними, по слову апостола, единъ духъ; душа такъ сказать переходитъ въ душу, ипостась въ ипостась (*ὑπόστασις εἰς ὑπόστασιν*), дабы душа богоугодная (Римл. 4, 6) могла пожить новою жизнію, восчувствовать жизнь безсмертную и сдѣлаться причастницею жизни вѣчной... Ибо если Богъ изъ не сущихъ воеже быти сотворилъ всю видимую тварь, съ великимъ различіемъ, котораго прежде бытія вещей не было, благоволилъ сотворить изъ не сущаго существа твердыя и грубыя—землю, горы, древа, и среднія воды, и птицъ, и существа легчайшія (*λεπτότερα*) огонь, вѣтры и прочія, по своей тонкости невидимыя твари... то кольми паче Онъ, по образу бытія своего независимый, яко же хочетъ и во что хочетъ, по неизглаголанному милосердію и непостижимой благодати, можетъ самъ себя преобразить и умалить (*μεταβάλλειν καὶ σμικρύνειν*) и пріявши на себя плотъ, сходственную съ своимъ естествомъ, уподобиться святымъ, достойнымъ и вѣрнымъ душамъ, дабы отъ нихъ быть созерцаему Тому, Кто невидимъ, и осязаему отъ тончайшей души Тому, Кто неприступенъ для всѣхъ... да тако вкусятъ они его сладости, и насытятся благодію его неизглаголаннаго свѣта. Онъ, когда восхоцетъ, бываетъ огонь поядаяй (Евр. 2, 29), и, когда восхоцетъ, бываетъ неизглаголаннымъ таинственнымъ упокоеніемъ, въ которомъ опочіетъ душа, и когда восхоцетъ, бываетъ радостію и миромъ, питающимъ и улаждающимъ душу» ¹⁾).

¹⁾ Мнѣніе о тѣлесности ангеловъ и душъ высказывалось учителями Церкви и до Макарія: Тертуліаномъ (въ соч. «противъ Праксея»), Оригеномъ («о началахъ», кн. 2-я, гл. 23), а послѣ Макарія Кирилломъ Александрійскимъ. Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ считаютъ ангеловъ существами простыми и безтѣлесными. Св. Іоаннъ Дамаскинъ (о правосл. вѣрѣ, кн. 2, гл. 3) старается согласить оба мнѣнія въ томъ смыслѣ, что тѣлесными ангелы и души называются по отношенію къ Богу. См. Христ. Чтеніе 1821 г. ч. 1, стр. 40—42.

Такъ какъ это «превоздѣльное единеніе съ Богомъ» чело-
вѣка осуществляется подъ условіемъ всей возможной для че-
ловѣка святости, то отсюда, изъ этого главнаго мотива про-
повѣди Макарія, возникаетъ преобладающее содержаніе всего
его учительства. Это содержаніе почти въ полномъ своемъ
составѣ *нравоучительное*. Во всей древней Церкви нельзя на-
звать проповѣдника, который бы въ своихъ проповѣдяхъ такъ
всездѣло отдавался нравоученію, какъ Макарій. Въ отличіе
отъ другихъ проповѣдниковъ моралистовъ, это нравоученіе
можно назвать болѣе евангельскимъ, нежели послѣдующимъ—
церковнымъ; оно имѣетъ своимъ предметомъ болѣе христіан-
ское благоустроеніе внутренняго міра челоѣка, его мыслей,
чувствъ, пожеланій по заповѣдямъ евангелія, нежели регла-
ментацію внѣшней дѣятельности и дисциплины. Для позд-
нѣйшей католической доктрины объ *opus operatum*, въ бесѣ-
дахъ Макарія не находится ни малѣйшихъ основаній. Отчасти
въ противорѣчій съ своею собственною, аскетическою, т. е.
и внѣшне-благочестивою, на дѣлѣ и въ дѣлахъ святой, жизни,
онъ постоянно настаиваетъ на внутренней, въ мысляхъ и же-
ланіяхъ находящейся, хотя и во внѣшнемъ благочестивомъ
поведеніи обнаруживающейся, святости. Поэтому если онъ
сильными и выразительными чертами изображаетъ поведеніе
челоѣка, его рабство грѣху и силу сатаны надъ челоѣче-
скимъ сердцемъ ¹⁾, то въ то же время онъ далекъ отъ того,
чтобы отрицать *свободу воли* въ челоѣкѣ. Онъ постоянно на-
поминаетъ своимъ слушателямъ объ ихъ прирожденной спо-
собности возвышаться при содѣйствіи благодати надъ соблаз-
нами грѣха къ святой мысли и святому дѣлу и чрезъ то ста-
новиться способнымъ къ единенію съ Богомъ и со Христомъ.
Челоѣкъ нуждается въ содѣйствіи божественной благодати,
чтобы на своемъ пути къ нравственному совершенству сдѣ-
лать все должное употребленіе изъ своего свободнаго произ-
воленія; но эта божественная помощь всегда для него готова,
Господь всегда близъ есть, Иисусъ Христосъ подаетъ свою
вспомоществующую десницу благочестивому борцу за добро-

1) Бес 2-я, 5, 15, 24, слова о терпѣнн и храненіи сердца и др.

дѣтель, Св. Духъ освящаетъ и укрѣпляетъ слабыя силы. Ученіе св. Макарія о взаимномъ отношеніи благодати и свободы въ дѣлѣ нравственнаго преуспѣянія и вѣчнаго спасенія людей, въ которомъ св. авва счастливо избѣгаетъ обоихъ крайностей въ этомъ вопросѣ — и монтанистической и пелагианской — составляетъ ту часть его ученія, которая доставила его бесѣдамъ въ Богословіи православной Церкви и въ общемъ составѣ святоотеческой литературы классическое значеніе: рѣшеніе этого вопроса, имъ намѣченное, лежитъ, намъ кажется, въ основаніи символическаго ученія Церкви по этому предмету.

Вообще христіанское *нравоученіе* составляетъ проповѣдническую спеціальность Макарія. Не представляя какихъ либо глубокихъ изслѣдованій его основаній или систематическаго его построенія, Макарій какъ мужъ глубокаго душевнаго опыта дѣлаетъ превосходный анализъ, по частямъ, разнообразныхъ внутреннихъ состояній грѣховности и праведности, сопровождая свои одушевленные описанія горячими увѣщаніями. Всѣ эти нравоучительныя наставленія и для нашего времени также назидательны и убѣдительно, какъ для времени — тогдашняго. Такимъ образомъ нравоученіе Макарія есть прежде всего и главнымъ образомъ обще-христіанское, въ полномъ своемъ составѣ примѣнимое къ жизни всякаго чловѣка — христіанина. Уже на этой общехристіанской почвѣ онъ, затѣмъ, развиваетъ ученіе аскетическое о совокупности тѣхъ условій, которыя *внѣшнимъ образомъ* могутъ способствовать достиженію высшаго нравственнаго совершенства: отреченіе отъ міра и отъ всѣхъ мірскихъ занятій, умерщвленіе плоти, непрестанное самонаблюденіе и молитва, внѣшнее смиреніе, борьба съ дьяволомъ и его искушеніями. Увѣщевая къ этого рода подвигамъ своихъ учениковъ, великій авва говоритъ столь же горячо и сильно, какъ и о добродѣтели вообще. Великій подвижникъ по собственному опыту знаетъ какъ возможно непрестаннымъ подвигомъ совлечь съ себя ветхаго чловѣка, отречься отъ всего земнаго, отъ всѣхъ житейскихъ потребностей, и всецѣло предаться мысли о Богѣ и стремленію приблизиться къ нему, соединиться съ нимъ.

Для образца правоученія Макарія приведемъ его разсужденія о свободѣ воли изъ 28 бесѣды. Проповѣднику предложенъ вопросъ: какимъ образомъ многіе уже облагодатствованные вновь падаютъ? Гдѣ день, какимъ образомъ можетъ быть тамъ ночь? Не потому такіе люди падаютъ, чтобы благодать въ нихъ уничтожалась или ослабѣвала, но чтобы искушлось человѣческое произволеніе и свобода -- къ чему она склонна, попускается на человѣка злоба. А тебѣ предлагается увѣщаніе, чтобы и падши, ты тщился собственною волею и ученіемъ приближаться ко Господу и возвращаться къ благодати. Для чего было бы сказано: духа не угашайте (Сол. 5, 19), если бы духъ былъ неугасимъ и всегда свѣтилъ? Но ты самъ твоимъ произвольнымъ нерадѣніемъ и несогласіемъ погашаешь его дѣйствіе. Сказано также: не оскорбляйте Духа Святаго, имъ же знаменаетея въ день избавленія (Ефес. 4, 30). Въ твоей, значить, волѣ почитать и не оскорблять духа святаго. Но и въ Христіанахъ совершенныхъ, плѣнныхъ и упоенныхъ любовію блага, есть свобода, и они обращаются ко благу, искушенные безчисленными злключеніями. Какъ иногда люди богатые и знатные отлагаютъ свое богатство, знатность и достоинство, и облакаясь въ одежды убогія и вмѣсто славы пріемлютъ безчестіе, дѣлая это не по чему другому, какъ по собственной волѣ и желанію: такъ и самимъ апостоламъ, въ благодати совершеннымъ, благодать не воспретила бы творить что-либо по ихъ желанію и противное благодати. Ибо природа наша способна и къ добру и ко злу, а противная власть можетъ только склонять, но не принуждать, ты же имѣешь свободу преклониться куда хочешь. Развѣ не знаешь, что Петръ былъ укоряемъ (Гал. 2, 21) и Павелъ, духовенъ будучи, по своему произволенію воспріялъ преніе съ Варнавою, и разгнѣвавшись, разлучишася (Дѣян. 15, 39). Тотъ же апостоль говоритъ: вы, духовніи, исправляйте такового духомъ кротости, блюдыи себе, да не и ты искушенъ будешь (Гал. 6, 1). Значить и духовные искушаются, ибо въ нихъ имѣется свобода, и на нихъ, пока они пребываютъ въ этой жизни, нападаютъ враги. Хотя апостолы грѣшить не могли, ибо не возносились, находясь въ такомъ свѣтѣ и благодати; однако

нельзя сказать, что благодать въ нихъ дѣйствовала съ принужденіемъ ихъ воли; благодать самымъ духовнымъ и совершеннымъ попускаетъ имѣть волю и власть дѣйствовать по произволению и преклониться куда желаетъ. Человѣческое естество, сколь ни слабо, имѣетъ власть и можетъ и обращаться къ добру и отъ онаго удаляться. Какъ войны, снабженные всѣмъ оружіемъ, облеченные въ щитъ и шлемъ, имѣютъ возможность и употребить оружіе для защиты отъ непріятеля или для нападенія на него, и не употреблять его и при всей возможности побѣды заключить миръ и не воевать со врагами, такъ и христіане и облекшись во все оружіе Божіе, если хотятъ, могутъ веселиться съ сатаною, съ нимъ мириться и не воевать. Ибо природа наша измѣнчива, и если кто хочетъ, можетъ быть сыномъ Божіимъ, а если не хочетъ—можетъ быть сыномъ погибельнымъ, ибо человѣку присуща свобода (*διὰ τὸ παράνομον τὸ αὐτεξούσιον*). Самъ сатана лишь соблазняетъ людей, не зная, будутъ ли они ему послушны или нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока самъ человѣкъ добровольно не отдастъ ему свою волю. Человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божію, и какъ Богъ самовластенъ—если бы захотѣлъ, по силѣ и власти своей могъ бы посылать праведныхъ въ геенну, а грѣшныхъ въ царство небесное, но не творитъ сего, потому что не хочетъ, ибо праведенъ Господь,—такъ и человѣкъ самовластенъ, и если хочетъ погибнуть, хулы изрыгать, отравы творить, убивать—никто ему не запрещаетъ, и если хочетъ повиноваться Богу и шествовать путемъ правды—можетъ побуждать злыя похоти. Противоборствующая душа можетъ сіюю своею преодолѣть силу злыхъ стремленій и постыдныя пожеланія (15, 21). Природа неразумныхъ существъ связана (*δέτη φύσις ἐστίν*): змѣя по природѣ хитра и ядовита—таковы всѣ змѣи; голубь чуждъ лукавства и гнѣва—таковы всѣ голуби; овца по своей простотѣ служить добычей хищника—таковы всѣ овцы. Но человѣкъ не таковъ; одинъ хищенъ, какъ волкъ, другой—подобно овцѣ, добыча хищника, хотя и тотъ и другой изъ одного и того же человѣческаго рода.—Съ такою же ясностію и всесторонностію св. авва объясняетъ необходимость благодатной помощи при свободѣ человѣка (въ особенности бес. 2 и 44)

«Какъ если-бы кто, увидѣвъ летающую птицу, и самъ захотѣлъ бы летѣть, не смогъ бы этого сдѣлать по неимѣннн крыльевъ: такъ у человѣка есть желаніе быть чистымъ, свободнымъ отъ грѣха и соединеннымъ съ Богомъ, но не имѣеть въ самомъ себѣ всей нужной для того силы. Онъ страстно жаелетъ витать въ этой божественной атмосферѣ, но если не получить крыльевъ не сможетъ. Помолимся Богу, да дастъ намъ крилѣ голубинѣ Св. Духа, да возлетимъ къ Нему и почіемъ (Пс. 54, 7); да отлучить отъ души и тѣла злый вѣтръ, т. е. грѣхъ, обитающій въ душѣ и тѣлѣ нашемъ. Онъ одинъ можетъ это сотворить,—Онъ, Агнецъ Божій, взямай грѣхи міра. Онъ одинъ явилъ это милосердіе вѣрующимъ въ него, еже избавляти ихъ отъ грѣха; Онъ одинъ дарствуетъ всегда это спасеніе всю надежду на него возлагающимъ... Какъ во время мрачной ночи буйный вѣтеръ всѣ растенія и древа колеблетъ, и приводитъ въ движеніе: такъ и человѣкъ, подвергшись темной власти дьявола, колеблется лютымъ вѣтромъ грѣха, который пронзаеть все его естество, душу, разумъ, и всѣ тѣлесные члены. А въ день свѣта Божественное вѣяніе Духа Святаго оживляетъ души, проницая все ихъ существо, улаждая ихъ неизглаголанымъ успокоеніемъ. Мы нѣсмы чада ноци, вся сынове свѣта, сынове дне (1 Сол. 5, 5). И какъ ветхій человѣкъ на ложномъ пути совлекъ съ себя непорочнаго человѣка и облекся въ одежду мрака у порока; такъ совлекшіе съ себя ветхаго человѣка, совлекли съ себя чрезъ Христа одежды мрака, облеклись въ новаго небеснаго человѣка Иисуса, и стали чистымъ и украшеннымъ образомъ Божиимъ».

Часто также говоритъ, и столь же одушевленно и ясно. Макарій о молитвѣ. «Начало всякаго прилежанія у всякой ревности къ благу и вѣнецъ всѣхъ благихъ дѣлъ—постоянство въ молитвѣ, которою мы можемъ достигнуть высшихъ добродѣтелей предъ Богомъ. Отъ нея происходитъ для достойныхъ общенія съ Богомъ соединеніе всѣхъ стремленій чувства въ неизрѣченной любви къ Богу. Кто самъ ежедневно стремится къ молитвѣ, тотъ разгорается Божественною любовію и пріобрѣтаеть благодать Божию и совершенную святость.—Молится истинно тотъ, кто молится тихо, воздерживаясь отъ громкихъ

восклицаній (б. б). Кто преклоняетъ свои колѣна на молитвѣ и напередъ исполняетъ свое сердце Божественной силы, того душа радуется (εὐφραίνεται) съ Господомъ, какъ невѣста съ женихомъ, по слову Исаи. Кто среди разнообразныхъ занятій дня посвящаетъ хоть одинъ часъ молитвѣ, тотъ чувствуетъ свой духъ возвышеннымъ и увлеченнымъ горѣ. Тогда забываются всѣ земныя заботы, его душа наполняется Божественнымъ, небеснымъ, всѣмъ тѣмъ чудеснымъ, чего не могутъ выразить человѣческія уста. Въ такіе часы,—полный святого воодушевленія, человѣкъ восклицаетъ: о если бы и душа моя вознеслась ко Господу вмѣстѣ съ молитвой!> ¹⁾.

Трудно предположить, чтобы проповѣдникъ, обладавшій такимъ сильнымъ и вмѣстѣ кроткимъ, искреннимъ и нѣжнымъ религіознымъ чувствомъ, обладалъ вмѣстѣ съ тѣмъ способностію къ глубокомысленному теоретизированію въ области догматовъ. Дѣйствительно Макарій въ своихъ проповѣдяхъ является преданнымъ сыномъ Церкви, излагающимъ ея догматы о Богѣ и его благодати, о Христѣ и царствѣ небесномъ. о грѣхопаденіи и искупленіи и т. д., въ предѣлахъ катихизически-символическаго такъ сказать элементарнаго изложенія, хотя и это его ученіе — ученіе объ этихъ догматахъ всегда высоко цѣнилось Церковію, какъ свидѣтельство до Никейской вѣры. Что касается догматовъ о Троичности лицъ въ Божествѣ, о двухъ естествахъ въ Иисусѣ Христѣ, и другихъ вопросахъ Христологіи, волновавшихъ въ его время Церковь,—то ихъ совершенно чуждъ Макарій. Все его глубоко Христіанское одушевленіе направлено къ евангельскимъ и преимущественно практическимъ основоположеніямъ Христіанства. Въ спокойно-святой благочестиво вдохновенной области созерцанія и внутреннихъ движеній Христіанскаго вѣрованія, которую возлюбилъ Макарій, холодно-резонирующее догматствованіе и запальчивая полемика, явились бы непримиримымъ диссонансомъ. Лишь иногда, какъ мы видѣли, напрімѣръ въ ученіи о природѣ ангеловъ и

¹⁾ Болѣе подробное синтетическое изложеніе всего ученія Св. Макарія о благодати см. въ прибав. къ Твор. Св. Отцовъ въ русс. переводѣ 1845 г. въ статьѣ П. С. Казанскаго: Св. Макарій Египетскій (стр. 125—146).

души, отчасти въ ученіи о свободѣ воли, и еще изрѣдка, онъ заявляетъ свою полную способность къ утонченному и ясному умствованію въ сферѣ Богословія догматическаго. Вообще какъ по содержанію, исполнѣн жизненному и практическому, такъ по изложенію, художественно одушевленному и всегда ясному, по глубокому благочестивому чувству и возвышенному полету мысли, по полному отчужденію отъ полемическихъ контроверсій своего вѣка, по всеѣмъ своимъ особенностямъ Макарій, какъ ораторъ, служитъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ области проповѣднической литературы, не только одного 4 вѣка, но и всей древней нераздѣленной Церкви.

IV.

Маркъ аскетъ ¹⁾.

Между болѣе замѣчательными египетскими отшельниками 4 вѣка, по сказанію Палладія ²⁾, былъ Маркъ, которому за его необычайные между самими монахами аскетическіе подвиги было усвоено имя *аскета по преимуществу* (ἀσκητῆς κατ' ἐξοχήν). Еще въ молодыхъ годахъ удалившись въ пустыню, онъ кротостію сердца и подвигами воздержанія стяжалъ себѣ даръ чудотвореній; скончался столѣтнимъ старцемъ ³⁾. Этотъ Маркъ одно ли лице съ тѣмъ Маркомъ, о которомъ Созомень ⁴⁾ говоритъ, что онъ зналъ все священное Писаніе на-

¹⁾ Свѣденія о немъ: Палладій, Лавсаикъ гл. 20 и 21, Созомень Церк. Истор. кн. 6, гл. 29, Cassiodorus historia tripartita, 8, 1, Никифоръ Церк. Истор. 13, 11, 35, 14, 54, epist. 53, 54. Fotii biblioth. cod. 200. Dupin, hist. eccl. t. 3, Tillemont memoir. t. 10, p. 457, 801. Oudin, t. 1, p. 372. Fabricius bibl. graeca, 1, 5, c. 24. Cave hist. litter. t. 1, p. 372, Gallandi bibl. patrum t. 8, proleg. c. 1. Изданія его сочиненій: у Gallandi biblioth. patrum t. 8, и у Мия патрологияе cursus completus, s. graeca t. 65. Кромѣ помѣщенныхъ здѣсь сочиненій Марка Никафору Каллисту извѣстны были и другія творенія Марка въ которыхъ онъ «проходитъ всѣ пути подвижническаго житія». Въ русскомъ переводѣ изъ его сочиненій извѣстны: въ «Добротолюбіи» три статьи; въ Христ. Чтеніи (1821, 1828 и 1834 гг.) также три статьи: о постѣ, о тѣхъ, которые думаютъ оправдаться дѣлами, разговоръ ума и души.

²⁾ Лавсаикъ, гл. 21.

³⁾ Тамъ же гл. 20.

⁴⁾ Церк. Исг. кн. 6, гл. 29.

изусть, а Никифоръ ¹⁾—что онъ былъ ученикомъ и служителемъ Златоуста,—какъ думаютъ Фесслеръ и преосв. Филаретъ Черниговскій—или это два особыя лица, какъ думаютъ Галланди и нѣкоторые другіе ²⁾, трудно рѣшить съ точностію. Такъ или иначе съ именемъ Марка аскета еще Фотію ³⁾ были извѣстны восемь сочиненій: 1) трактатъ о тѣхъ, кто думаетъ оправдаться дѣлами, 2) о покаяніи, 3) отвѣтъ сомнѣвающимся о Божественномъ крещеніи, 4) душеспасительныя правила для Николая (πρὸς Νικολάου νοουθεσίαι ψυχωφελείς), 5) главы о воздержаніи (κεφαλαία νηπτικὰ—сочиненіе, сохранившееся не въ цѣломъ видѣ,—недостаетъ конца), 6) состязаніе съ схоластикомъ (αντιβολή πρὸς σχολαστικόν), 7) совѣщаніе ума съ душею (συμβουλία νόος πρὸς τὴν ἑαυτοῦ ψυχήν), 8) о постѣ. Позже въ 1748 г. въ одномъ древнемъ папирусномъ спискѣ найдено вмѣстѣ съ исчисленными еще одно сочиненіе Марка: «о Мельхиседекѣ». Еще позже былъ найденъ отрывокъ изъ его же «второго посланія». Минь въ слѣдъ за Фесслеромъ приписываетъ ему еще слово - «о духовномъ законѣ», въ которомъ объясняется, въ какомъ смыслѣ ап. Павелъ (Римл. 7, 14) выразился: законъ духовенъ. Однако преосвящ. Филаретъ считаетъ это сочиненіе тождественнымъ съ твореніемъ Макарія Великаго, извѣстнымъ подъ именемъ его 37-й бесѣды. Затѣмъ нѣсколько сочиненій съ именемъ Марка извѣстны по каталогамъ рукописей: 1) главы о перерожденномъ и рожденномъ, или подвижническая фізіологія, 2) главы о молитвѣ; 3) главы созерцательныя (γυοστικαί), 4) главы нравственныя, 5) главы о дѣятельности и созерцаніи духовномъ, 6) главы параллельныя о добродѣтеляхъ и порокахъ; 7) въ библіотекѣ Волоколамскаго монастыря въ славянскоѣ рукописи (S. № 74) значатся сочиненія: а) къ настоятелю десять главъ, б) еже отмщати себѣ и не судити обидящихъ,—вопроси нѣкто отъ книжннкъ старца постника. Наконецъ Никифоръ Каллистъ ⁴⁾ упоминаетъ еще о сочиненіяхъ Мар-

1) Hist. eccles. 14, 53, 54.

2) См. *Paniel* Geschichte der christ. Beredsamkeit s. 414, § 126.

3) Bibliotheca cod. 200.

4) Hist. eccl. 14, 54.

ка, въ которыхъ онъ «проходить всѣ пути подвижническаго житія». Можетъ быть здѣсь имѣются въ виду исчисленныя сочиненія. Вообще Маркъ былъ одинъ изъ болѣе плодovitыхъ писателей изъ египетскихъ аскетовъ, изъ сочиненій котораго издана доселѣ лишь незначительная часть.

Всѣ извѣстныя въ настоящее время сочиненія св. Марка имѣютъ какъ по внутреннему характеру и содержанію, такъ и по внѣшней формѣ чрезвычайно близкое сходство съ сочиненіями св. Макарія, что подало поводъ нѣкоторымъ патрологамъ сочиненія Макарія приписывать Марку ¹⁾. Это сходство доходитъ иногда до полнаго тождества въ выраженіяхъ ²⁾. Хотя Маркъ и не равняется Макарію ни по силѣ мысли, ни по степени идеально-мистическаго одушевленія, — но это сходство по внѣшней структурѣ рѣчи, по предметамъ и по общему направленію образа мыслей въ сочиненіяхъ несомнѣнно указываетъ во всякомъ случаѣ на то, что оба проповѣдника жили въ одно время и въ одномъ мѣстѣ и были близки между собою столько же по духу, сколько по мѣсту пребыванія, при чемъ неизбѣжно имѣлъ мѣсто обмѣнъ мыслей между ними и непосредственное пользованіе одного сочиненіями другаго. Авторъ исчисленныхъ сочиненій, очевидно, былъ тотъ Маркъ, о которомъ, по сказанію Палладія, св. Макарій, бывший пресвитеромъ для отшельниковъ египетскихъ, говорилъ, что онъ принималъ св. тайны не отъ него, пресвитера Макарія, а отъ ангела ³⁾.

Подобно сочиненіямъ Макарія, всѣ творенія препод. Марка гомилетическаго характера и происхожденія. Почти всѣ они оканчиваются обычнымъ въ проповѣдяхъ 4 вѣка славословіемъ и заключительнымъ «аминь». Какъ произведенія Ма-

¹⁾ См. объ этомъ у Паниля *Geschichte der christl. Beredsamkeit*, стр. 414.

²⁾ Слич. — на примѣръ, Макарія бесѣды 8, §§ 2 и 6 съ сочиненіемъ Марка объ умѣренности (*de temperantia*) §§ 26 и 27. Въ томъ и другомъ сочиненіи буквально читается: *εἰπέ ἡμῖν, ἐν ποίοις εἶ μέτροις*: отвѣтъ: *ἀλλῆ ὄρα υἱὸς βασιλέως οὕτω φαρρεῖ τῷ Ὑῖφ τοῦ θεοῦ ὡς πατρὶ*. Еще сравни Марка *opusculum VI*, § 21 (начиная со словъ *τὰ δὲ πράγματα οὕτως ἐστὶν* съ словомъ о благодати Макарія § 12. Еще: § 28 *opusculum VI* Марка съ тѣмъ же словомъ о благодати Макарія § 30.

³⁾ Лавсаикъ, гл. 20.

карія они могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Одни въ буквальный смыслѣ слова проповѣди—*собесѣдованія*, состоящія изъ вопросовъ (*ἐρωτήσεις*) учениковъ и отвѣтовъ (*ἀποκρίσεις*) учителя. Сюда относятся: о крещеніи (все состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, см. у Миня *opusculum* 4). о воздержаніи (*opusculum* 6 состоитъ отчасти изъ вопросовъ и отвѣтовъ, отчасти рѣчь монологическая), состязаніе съ схоластикомъ (*opusc.* 7, состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ отчасти изъ монологическаго разсужденія). Ко второй группѣ, состоящей изъ бесѣдъ монологическихъ, принадлежатъ всѣ остальные (изъ изданныхъ) сочиненія Марка.

По своему содержанію поученія Марка, какъ и бесѣды Макарія, представляютъ, во-первыхъ, настойчивую и энтузіастическую проповѣдь внѣшнихъ аскетическихъ подвиговъ, воздержанія, поста, молитвы; затѣмъ проповѣдь самонаблюденія и самоиспытанія, а главнымъ образомъ представляютъ компетентную защиту ученія о свободѣ воли и чистаго евангельскаго ученія вообще—отъ еретическихъ заблужденій. За ту настойчивость и энергію, съ какими преп. Маркъ защищаетъ ученіе о свободѣ воли и природенной ей силѣ сознательнаго стремленія къ добру, сочиненія Марка были отнесены Римскою церковію къ числу пелагіанскихъ и включены въ *index prohibitorum*, хотя отнюдь не было сдѣлано того же съ сочиненіями св. Макарія, совершенно согласными въ ученіи о свободѣ воли съ сочиненіями Марка. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна бесѣда Марка о крещеніи (*opusculum* IV *de baptismo responsu ad eos, qui de divino baptismo dubitant*) посвященное всецѣло вопросу о свободѣ воли. «Докажи мнѣ, говоритъ здѣсь между прочимъ авторъ, что крещенные вовсе не могли исполнить заповѣдей о свободѣ воли (*τὰς ἐντολὰς τῆς ἐλευθερίας*) и что для этого крещеніе недостаточно. Или же, если мы докажемъ, что они достигли этой силы, пусть признаются (противники), что чрезъ благодать І. Христа они (крещенные) стали свободны, и потомъ опять отдались въ рабство грѣху, тѣмъ, что не исполнили всѣхъ заповѣдей, и слѣд. опять подчинены силѣ (*ὀποχείριος γεγονέναι*). Пусть убѣдятся (противники) изъ Писанія (2 Кор. 7, 1): очистимъ себе отъ

всякія скверны плоти и духа. Ибо какъ можетъ рабъ грѣха очиститься отъ всякія скверны, если онъ не владѣетъ свободой воли и находится въ узахъ грѣха? Если же ты имѣешь силу надъ своими страстями, знай, что ты побужденъ къ этому не внѣшнюю силою (ἐξουσία), но по причинѣ свободного произволенія. Значить, то, что говорить св. Писаніе объ очищеніи (отъ всякія скверны), говорить свободнымъ, какъ свободныхъ убѣждаетъ не упорствовать въ тѣхъ своихъ мудрованіяхъ, а любить свободу, такъ какъ мы имѣемъ силу склоняться къ тому, что намъ хочется, будетъ ли то хорошее или дурное» ¹⁾. Такъ же энергически Маркъ говорить въ рѣчи о Мельхиседекѣ противъ ереси такъ называемыхъ Мельхиседекистовъ, которые утверждали, что Мельхиседекъ, ветхозавѣтный царь и священникъ, есть Сынъ Божій. Въ этой, довольно длинной догматико-діалектической рѣчи проповѣдникъ не щадитъ даже своего отца, который принадлежалъ къ этой сектѣ ²⁾.

Маркъ Аскетъ, по отзыву патрологовъ, одинъ изъ лучшихъ церковныхъ учителей между египетскими аскетами. Въ своихъ поученіяхъ онъ является великимъ знатокомъ человѣческаго сердца; рѣчь его вездѣ мужественно-сильна, убѣдительна и ясна, насколько то возможно при изложеніи того мистическаго ученія, какимъ преимущественно завязъ этотъ св. подвижникъ; доказательства его хорошо идутъ къ дѣлу и остроумны; библейскія изрѣченія онъ приводитъ умѣренно и всегда кстати. Вообще въ немъ видѣнъ ясный и сильный мыслитель. Какъ обитатель пустыни и аскетъ онъ много занимается ученіемъ спеціально-аскетическимъ, но если бы для него была иная сфера дѣятельности, онъ могъ бы быть отличнымъ проповѣдникомъ жизненно-практическимъ ³⁾.

1) Подлинный текстъ: "Ὅσα οὖν ἡ θεία γραφή περὶ καθαρισμοῦ ἀναλέγεται, ὡς ἐλευθέρεις παραίνει τοῦ μὴ μένειν ἐν τοῖς τούτοις λογισμοῖς ἀλλὰ ἀγαπᾶν τὴν ἐλευθερίαν, ἐξούσιαν ἔχοντες, ρεπεῖν εἰς ὃ ἂν θέλωμεν, ἤτοι ἀγαθόν, ἤτοι κακόν. Migne, p. c. s. s. gr. t. LXV, col. 988—989.

2) Migne, t. LXV, col. 1117—1140.

3) См. Paniel, Geschichte... § 126. Фотій характеризуетъ Марка въ такихъ словахъ: Σαφῆς μὲν ἐστίν, ὅσον ἐπὶ τῇ κοινότητι τῶν λέξεως, καὶ τῷ κεφαλαιωδῶς ἐξενηγέσθαι ἢ φράσις, εἰ καὶ μὴ πρὸς τὴν Ἀπτικὴν ἐξηκριβῶται τὰ ὅλα γλῶσσαν,

Сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ его поученій «о постѣ» и изъ «собесѣдованія разума съ душою». Въ первомъ онъ между прочимъ рассуждаетъ: «По истинѣ, если мы отдаемся смиренію, мы не нуждаемся ни въ внѣшнихъ правилахъ дисциплины, ни въ увѣщаніяхъ. Все зло въ насъ происходитъ отъ нашей гордости (ἐπάρσις). Если самому апостолу давнѣе былъ пакостникъ плоти, чтобы дѣлать ему пакости, дабы онъ не превозносился, не тѣмъ ли болѣе подвержены вліянію сатаны мы—до тѣхъ поръ, пока не возвратимся къ смиренію? Наши прародители (προπάτορες) управляли своимъ домомъ, обладали богатствомъ, могли бесѣдовать съ самимъ Богомъ, именно потому, что были полны смиренія. А мы, (аскеты, монахи) отреклись отъ міра, презрѣли богатства, оставили свои жилища и—поруганы бываемъ демонами, и это за нашу гордость и самомнѣіе. Кто кичится, тотъ не знаетъ самого себя. Если бы онъ зналъ себя и свою скудость духовную, онъ не кичился бы. И кто не знаетъ самого себя, какъ можетъ познать Бога? Кто не могъ познать собственнаго неразумія, какъ можетъ обнять Божественную мудрость, отъ которой онъ такъ далекъ и для сужденія о которой онъ не имѣетъ ничего въ своемъ опытѣ? Кто знаетъ Бога и постигаетъ Его величіе (μεγαλωσύνη Ἰησοῦ), тотъ считаетъ себя ничтожнымъ и говоритъ подобно Іову (42, 5—6): *слухомъ уха слышахъ тя впервые, нынѣ же око мое видѣтъ тя; тѣмъ же укорилъ себе самъ, и истаяхъ и мною себе землю и пепелъ.* И такъ только тотъ, кто подражаетъ Іову, узритъ Бога и познаетъ его. И если мы хотимъ видѣть его, должны счесть себя ничтожными, и тогда будемъ не только лицезрѣть Его, но и можемъ обрѣсть Его въ насъ самихъ обитающимъ. Тогда наше безуміе умудрится Его мудростію, и наша немощь обратится въ крѣпость Его могуществомъ. Смиреніе содѣлаетъ то, что удостоившій насъ такого дара величественно прославится въ насъ, а врагъ дьяволъ постыдится, силою Господа нашего Иисуса Христа, коему слава, честь и держава во вѣки. Аминь».

εἰ δὲ πρὸ τὸ ἀσαφές ἐνοραται, τῷ δια πράξεως αὐτὰ πεφυκέναι μᾶλλον κατανοεῖσθαι, ἀναχωρεῖ τῆς διὰ τῶν λόγων ἐρμηνείας, οὐχὶ τὸ δυσκόλως εἰρηθεῖται.

Много прекрасныхъ мыслей высказываетъ проповѣдникъ въ «собесѣдованіи ума съ своею душою». «Слушай, разумная душа, сообщница моихъ намѣреній: я хочу сказать тебѣ тайну, которую полезно знать намъ обоимъ. Я увѣренъ, что причиною беспорядочныхъ движеній, которыя происходятъ въ тебѣ и во мнѣ, наше невѣжество... Вину свою мы иногда слагаемъ на Адама, на дьявола и на другихъ людей... Мы иногда думаемъ, что доставляетъ себѣ великую пользу, между тѣмъ какъ причиняемъ себѣ вредъ, напрасно подвергаемъ себя тяжкимъ трудамъ и безъ всякой пользы обременяемъ себя многими заботами. Мы строго исполняемъ внѣшнія добродѣтели, но не хотимъ обратить вниманія на внутреннія причины нашихъ пороковъ. Никакая внѣшняя сила не можетъ безъ нашего согласія принудить насъ ни къ добру, ни къ злу. Мы сами послѣ крещенія отдаемъ себя на служеніе Богу или дьяволу, и послѣ того или Богъ или дьяволъ исключительно имѣютъ надъ нами власть. Всѣ пороки наши проистекаютъ изъ двухъ источниковъ, которыхъ люди большею частію не примѣчаютъ — изъ честолюбія или угожденія чувственности. Уже склонность воли нашей показываетъ или пороки, или добродѣтели ея. Когда мы не слушаемъ Господа, воля наша склоняется на требованія злаго духа, который предлагаетъ намъ чувственныя удовольствія. Когда отвергаемъ внушенія порока и соглашаемся переносить всѣ непріятности для Господа: тогда воля наша склоняется къ Господу. Онъ вселяется въ сердце наше и обращаетъ оное къ истинѣ. Подобнымъ образомъ и дьяволъ, вошедши въ наше сердце, производитъ въ немъ всѣ пороки, которые дотолѣ умножаются, доколѣ люди не перестанутъ угождать дьяволу».

«Поелику ты, душа, поработила себя этимъ двумъ порокамъ и отдала себя во власть ихъ, то не обвиняй въ томъ ни Адама, ни дьявола, ни другихъ людей, но старайся освободить волю свою отъ порабощенія. Брань, которую ты должна вести, не есть внѣшняя, но внутренняя. Мы оба съ тобой должны будемъ сражаться не противъ ближнихъ, которые живутъ съ нами, но противъ внутреннихъ враговъ. Въ этомъ сраженіи не будетъ участвовать никто изъ людей. Мы будемъ имѣть только

одного помощника, который со времени крещенія тайно вселился въ насъ. Это есть непобѣдимый Христосъ, отъ котораго ничто не сокрыто. Онъ будетъ сражаться за насъ, если мы всѣ силы свои употребимъ къ тому, чтобы исполнять повелѣнія Его. Враги наши—чувственныя удовольствія и честолюбіе. И я и ты находимся въ рабствѣ у нихъ. Они увлекли въ заблужденіе Адама и Еву. Чувственное удовольствіе сказало имъ, что запрещенное дерево добро въ снѣдь и угодно очима видѣти, а честолюбіе присоединило къ тому: будете, яко божи, вѣдаяще доброе и лукавое (Быт. 3, 5—6). Какъ первозданный Адамъ и Ева, преступивши заповѣдь Божию, начали стыдиться другъ друга, такъ и мы внутренними нашими очами видимъ себя обнаженными и чувствуемъ въ совѣсти стыдъ. И мы шиваемъ себѣ покрывало изъ листьевъ смоковницы, когда думаемъ оправдаться предъ Богомъ одними словами и дѣлами... Господь же предлагаетъ намъ одежду изъ кожъ, когда говоритъ: въ терпѣнїи вашемъ стяжите души ваши (Лук. 21, 19), —Ему же слава во вѣки, аминь».

Эти выдержки даютъ понятіе какъ о направленіи мыслей проповѣдника, такъ и о его манерѣ изложенія.

Антоній, Макарій, Исаія, Маркъ Аскетъ были главными представителями нравственно-аскетическаго типа проповѣди въ 4 вѣкѣ на Востокѣ. Ихъ проповѣдь имѣлъ, конечно, въ виду, хотя и не называетъ ихъ по именамъ, блаж. Иеронимъ. когда въ письмѣ къ Евстахію описывая подвиги Египетскихъ киновитовъ, говоритъ: «по окончанїи молитвы, когда всѣ сядутъ, тотъ, кого они называютъ аввой, стоя по срединѣ, начинаетъ бесѣду. Во время бесѣды бываетъ такая тишина, что никто даже не взглянетъ на другаго, даже не кашляетъ. Хвала говорящему выказывается въ плачѣ слушателей. Тихо катятся слезы по щекамъ, а скорбь не прорывается даже стономъ. А когда начнетъ возвѣщать грядущее, о царствѣ Христовомъ, о будущемъ блаженствѣ и славѣ, ты увидишь всѣхъ съ сдержаннымъ вздохомъ и съ поднятыми къ небу глазами говорящихъ въ себѣ: кто дастъ мнѣ крилѣ, яко голубинѣ, и

полещу и почію!»¹⁾ Какъ мы уже говорили въ началѣ и какъ видно изъ вышеизложеннаго, ихъ проповѣдь не была исключительно для монаховъ, не объ однихъ порядкахъ жизни монашеской трактовала, но болѣе или менѣе полно обнимала всѣ основныя истины нравоученія общехристіанскаго, и нѣкоторые вопросы ученія догматическаго трактовались св. отцами—аввами съ такою компетентностію и глубиною, что твореніями ихъ Церковь пользуется какъ первоисточниками въ своемъ ученіи объ этихъ догматахъ. Уже св. Аѳанасій, составивъ «жизнь Антонія Великаго» и внеся въ нее его ученіе, сдѣлалъ это ученіе вѣдомымъ всему христіанскому міру. Лучшіе, болѣе знаменитые христіанскіе писатели и учителя, какъ блаж. Иеронимъ, Руфинъ, изъ восточныхъ св. Ефремъ Сиринъ, Епифаній Кипрскій, посѣщали египетскихъ отшельниковъ, внимали учительству ихъ аввъ и въ свою очередь не мало потрудились для распространенія ихъ твореній въ христіанскомъ мірѣ и уже отчасти въ IV, а главнымъ образомъ въ V вѣкѣ сочиненія св. отцовъ—аввъ египетскихъ обращались во всемъ христіанскомъ мірѣ и ихъ ученіе вошло въ составъ ученія общецерковнаго.

Н. Барсовъ.

¹⁾ Сочиненіе блаж. Иеронима въ русс. пер. т. I, стр. 137.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru